

Джейн Остин
Сет Грэм-Смит

ГОРДОСТЬ
И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ
И ЗОМБИ

COPYS

СМОТРИТЕ В КИНОТЕАТРАХ

**Сет Грэм-Смит
Джейн Остин
Гордость и предубеждение и зомби**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7520825

Гордость и предубеждение и зомби : роман / Джейн Остин, Сет Грэм-Смит: Corpus, Астрель.;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-095636-4

Аннотация

На протяжении десятилетий Англию терзает загадочный недуг: полчища оживших мертвецов постоянно вылезают из-под земли и норовят употребить в пищу мирное население. Дворянские семьи посылают своих отпрысков в Японию и Китай для обучения боевым искусствам, позволяющим отражать нападения зомби. После того как нечисть истребила всех обитателей поместья Незерфилд-парк, его арендует интересный во всех отношениях джентльмен по фамилии Бингли. Вскоре он сводит знакомство с соседями, в числе которых пять дочерей четы Беннет – выдающиеся воительницы, защита и опора графства. Так начинается история романтических чувств и кровавых битв, отчасти знакомая поклонникам Джейн Остин.

“Микрохирургическое вмешательство” лос-анджелесского продюсера и писателя Сета Грэма-Смита в знаменитый роман Остин вызвало бурю эмоций у литературных критиков. Соединение классического текста с элементами современной массовой культуры дало поразительный (а для кого-то и возмутительный) эффект яркой сатиры, опасно балансирующей на грани гротеска.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	14
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	42
Глава 16	45
Глава 17	50
Глава 18	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джейн Остин, Сет Грэм-Смит Гордость и предубеждение и зомби

© 2009 by Quirk Production, Inc.

All rights reserved

First published in English by Quirk Books, Philadelphia, Pennsylvania

© А.Завозова, перевод на русский язык, 2010

© А.Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО “Издательство АСТ”, 2016

Издательство CORPUS ®

Глава 1

Всякий зомби, располагающий мозгами, жаждет заполучить еще больше мозгов – такова общепризнанная истина. Никогда еще истина эта не была столь очевидной, как во время недавних событий в Незерфилд-парке, когда все восемнадцать его обитателей были убиты и сожраны толпой оживших мертвецов.

– Дорогой мистер Беннет, – как-то раз сказала его супруга, – известно ли вам, что Незерфилд-парк снова сдан?

Мистер Беннет ответил отрицательно и продолжил свое ежеутреннее занятие по заточке клинков и полировке мушкетов, поскольку случаи нападения неприличностей за последние недели серьезно участились.

– Тем не менее он сдан, – продолжила она.

Мистер Беннет ничего не ответил.

– Неужели вы не хотите узнать, кто его занял? – с нетерпением воскликнула его жена.

– Женщина, я чищу мушкет! Можете болтать все, что вам вздумается, но не отвлекайте меня от обороны поместья!

Миссис Беннет этого было достаточно.

– Так вот, дорогой мой, миссис Лонг говорит, что Незерфилд нанят состоятельным молодым человеком и что он бежал из Лондона в карете, запряженной четверкой лошадей, как раз когда неведомый недуг добрался до Манчестера.

– Как его имя?

– Бингли. Холостяк, у которого четыре или пять тысяч в год. Какая удача для наших девочек!

– Как это? Он что, может обучить их еще лучше владеть мечом или обращаться с мушкетом?

– Ах, вы просто невозможны! Неужели непонятно? Я надеюсь, что он женится на одной из них.

– Женится? В такое-то время? Разумеется, этот Бингли не имеет подобных намерений.

– Намерений? Вздор, ну вы и скажете тоже! Однако он может влюбиться в одну из них, и потому вы должны нанести ему визит, как только он приедет.

– Не вижу тому достаточных причин. Кроме того, не стоит выезжать куда-либо без особой надобности, иначе мы рискуем потерять еще больше лошадей и экипажей из-за этой нежити, что в последнее время тревожит и наш любимый Хартфордшир.

– Но подумайте о ваших дочерях!

– Я о них и думаю, глупая вы женщина! Мне хотелось бы, чтобы их головы были заняты боевыми искусствами, а не забиты, как ваша, мечтами о замужестве и богатстве! Поезжайте к этому Бингли, раз уж вам так того хочется, но позвольте напомнить, что ни одна из наших девочек не может похвастать чем-то особенным; все они глупы и невежественны, как и их мать, разве что у Лиззи инстинкт убийцы поболее развит, чем у сестер.

– Как можете вы, мистер Беннет, так оскорблять собственных детей? Вам доставляет удовольствие донимать меня. Никакого сострадания к моим несчастным нервам!

– Вы ошибаетесь, дорогая моя. Я питаю самое искреннее уважение к вашим нервам. Мы с ними старые приятели. Вот уже двадцать лет я только о них и слышу.

В мистере Беннете настолько причудливо сочетались живой ум, саркастический нрав, сдержанность и самообладание, что за двадцать три года их совместной жизни жена так и не научилась разбираться в его характере. Понять *ее* было не в пример проще. Миссис Беннет была невежественной женщиной недалекого ума и вздорного нрава. Любое свое расстрой-

ство она приписывала разыгравшимся нервам. А стоило ее нервам разыгаться – со времен первой вспышки неведомого недуга, приключившейся в ее молодости, это случалось практически постоянно, – она тотчас же начинала искать утешения в обычаях, которые многим теперь казались пустяками.

Делом всей жизни мистера Беннета было защищать своих дочерей от смерти. Делом всей жизни миссис Беннет было выдать их замуж.

Глава 2

Мистер Беннет одним из первых нанес визит мистеру Бингли. Он сразу намеревался так поступить, хоть до последнего и уверял жену, что никуда не поедет, и потому она оставалась в неведении до вечера того самого дня, когда визит состоялся. Открылось все следующим образом. Наблюдая за тем, как его вторая дочь вырезает герб Беннетов на рукояти своего нового меча, мистер Беннет неожиданно заметил:

– Надеюсь, Лиззи, мистеру Бингли это понравится.

– Откуда нам узнать, что может понравиться мистеру Бингли, – с досадой отозвалась ее мать, – если мы не будем ему представлены.

– Вы позабыли, матушка, – сказала Элизабет, – что мы встретимся с ним на следующем балу.

Миссис Беннет не удостоила ее ответом, однако же, будучи не в силах сдержаться, напустилась на одну из своих дочерей:

– Ради всего святого, Китти, перестань так кашлять! Можно подумать, будто ты заражена!

– Маменька, какие ужасные вещи вы говорите, ведь вокруг так много зомби! – капризно отозвалась Китти. – А когда твой следующий бал, Лиззи?

– Через две недели, считая с завтрашнего дня.

– Через две недели! – воскликнула ее мать. – И мы так и не сумеем свести с ним знакомство, поскольку сами не будем ему представлены. О, как бы мне хотелось никогда в жизни не слышать об этом Бингли!

– Мне жаль это слышать, – сказал мистер Беннет. – Доведись мне узнать об этом утром, я бы не поехал к нему с визитом. Как все неловко вышло! Но раз уж я нанес ему визит, знакомства нам теперь не избежать.

Дамы, как того и хотел мистер Беннет, были просто ошеломлены – миссис Беннет в особенности. Однако когда первые порывы ликования миновали, она принялась утверждать, что ничего другого и не ожидала.

– Дорогой мистер Беннет, какое великодушие! Но я знала, что сумею убедить вас. Я не сомневалась, что ваша любовь к девочкам не позволит вам пренебречь подобным знакомством. Ах, как вы мне угодили! И какая дивная шутка – поехать утром и словечком нам ни о чем не обмолвиться до самого вечера!

– Не вздумайте после этого снисхождения ожидать поблажек в дисциплине, – сказал мистер Беннет. – Девочки продолжают упражняться, как прежде, до Бингли мне дела нет.

– О, разумеется! – воскликнула миссис Беннет. – Пусть будут столь же убийственны, сколь и прекрасны.

– Что же, Китти, теперь можешь кашлять, сколько вздумается. – С этими словами мистер Беннет вышел из комнаты, утомленный восторгами своей жены.

– Девочки, какой у вас превосходный отец! – сказала миссис Беннет, как только за ним затворилась дверь. – Нечасто нам выпадает случай порадоваться, с тех пор как Господь решил замкнуть врата Ада и обрек мертвецов бродить среди живых. Лидия, ангел мой, хоть ты и младше всех, но сдаётся мне, что именно с тобой мистер Бингли будет танцевать на следующем балу.

– О, меня этим не смутить! – решительно отозвалась Лидия. – Хоть я и самая младшая, но в искусстве соблазна мне нет здесь равных.

Остаток вечера прошел в догадках о том, как скоро мистер Бингли отдаст визит и когда его следует пригласить у них отобедать.

Глава 3

Как, однако, ни старались миссис Беннет и ее дочери, им не удалось добиться от главы семейства сколь-нибудь удовлетворительного описания мистера Бингли. Они подступались к нему самыми различными способами: забрасывали вопросами, прибегали к хитроумным уловкам и тонким намекам, однако мистер Беннет не поддавался никаким ухищрениям, и им пришлось довольствоваться знанием из вторых рук, полученным от их соседки леди Лукас. Ее сведения были самого лестного характера. Сэр Уильям был им совершенно очарован. Мистер Бингли был молод, чрезвычайно хорош собой и в добавление ко всему собирался быть на следующем же балу в сопровождении большого общества. Ничего лучшего и желать было нельзя!

– Ах, если мне только доведется увидеть одну из девочек счастливой хозяйкой Незерфилда, – сказала миссис Беннет своему супругу, – и столь же удачно пристроить замуж всех остальных, то мне бы и желать более было нечего.

– Мне тоже, коли доведется увидеть, что все пятеро переживут нынешние невзгоды Англии, – ответил тот.

Через несколько дней мистер Бингли отдал визит и около десяти минут беседовал с мистером Беннетом в библиотеке. Он лелеял надежду увидеть и юных леди, о чьей красоте и боевой сноровке он был наслышан, однако повидал лишь их отца. Юным леди повезло несравненно больше: из окна верхнего этажа им удалось разглядеть, что приехал он на вороной лошади, носит голубой сюртук и за спиной у него прилажен французский карабин – оружие для англичанина чрезвычайно экстравагантное. Однако из его неуклюжего обращения с этим оружием Элизабет заключила, что он едва ли умелый стрелок и, скорее всего, не владеет боевыми искусствами.

Вскоро было отправлено приглашение к обеду, и миссис Беннет уже принялась обдумывать блюда, которые прославят ее как превосходную хозяйку, но ответ мистера Бингли расстроил все ее планы. Дела вынуждают его на следующий день быть в Лондоне, а посему он не может принять их любезное приглашение и т. д. и т. п.

Миссис Беннет была весьма разочарована. Она и представить не могла, что за дела могли вызвать его в столицу так скоро после его приезда в Хартфордшир. Леди Лукас несколько уняла ее тревогу, высказав предположение, что он отправился в Лондон лишь затем, чтобы привезти друзей, с которыми намеревался быть на балу; и вскоре последовало известие, что с мистером Бингли на ассамблее будут двенадцать дам и семь джентльменов. Такое количество дам стало поводом для волнения среди барышень, но вскоре их приободрили слухи о том, что дам будет всего шесть – пять сестер мистера Бингли и его кузина. Однако же компания, появившаяся на балу, состояла всего из пяти человек – самого мистера Бингли, двух его сестер, мужа старшей сестры и еще одного молодого человека.

Мистер Бингли был хорош собой и вел себя как истинный джентльмен; у него было приятное выражение лица и простые, непринужденные манеры. Его сестры были видными женщинами и держались с большим достоинством, но, судя по всему, вряд ли владели боевыми искусствами. Его зять, мистер Херст, был довольно заурядным джентльменом, но зато друг Бингли, мистер Дарси, вскоре привлек внимание всей залы своей высокой статной фигурой, правильными чертами лица, аристократическим обликом и – этот слух разнесся уже через пять минут после его появления – тем, что со времен падения Кембриджа он сразил более тысячи неприличностей. Джентльмены сочли его весьма представительным мужчиной, дамы объявили его куда красивее мистера Бингли, и все собравшиеся взирали на него с восхищением, которое вскоре, однако, сменилось негодованием, вызванным его манерами. Обнаружилось, что он горд, высокомерен и угодить ему решительно невозможно.

Мистер Бингли тотчас свел знакомство со всеми главными представителями местного общества; он держался легко и непринужденно, танцевал все танцы подряд, возмущался, что ассамблея заканчивается так рано, и поговаривал о том, что даст бал и у себя в Незерфилде. И хотя он не так искусно владел оружием, как мистер Дарси, его любезность говорила сама за себя. Полная противоположность своему другу! Мистер Дарси был самым спесивым и неприятным человеком на свете, и все собравшиеся надеялись, что более им не доведется с ним встретиться. Среди тех, кто особенно ополчился на него, была миссис Беннет, чье общее недовольство поведением мистера Дарси переросло в острую неприязнь после того, как он пренебрег одной из ее дочерей.

Из-за недостатка кавалеров Элизабет Беннет была вынуждена пропустить два танца – как раз в это время мистер Дарси находился неподалеку от нее, и ей удалось подслушать беседу между ним и мистером Бингли, который на несколько минут отвлекся от танцев, пытаясь уговорить своего друга присоединиться к ним.

– Ну же, Дарси, – сказал он, – вы обязаны потанцевать, я настаиваю. Видеть не могу, как вы совершенно бессмысленно тут стоите.

– Ни в коем случае. Вы знаете, что я не выношу танцев с незнакомыми дамами. А в подобном собрании это и вовсе будет невыносимо. Ваши сестры уже ангажированы, а во всей зале не найдется другой дамы, танцевать с которой не было бы для меня сущим наказанием.

– Право же! – воскликнул мистер Бингли. – Я еще ни разу в жизни не видел больше прелестных девушек, чем за сегодняшний вечер, а некоторые из них так и вовсе обворожительны!

– Вы танцуете с единственной хорошенькой девушкой в зале, – сказал мистер Дарси, поглядев на старшую мисс Беннет.

– Она само очарование! Но вон там, прямо за вашей спиной, сидит ее сестра, очень приятная барышня, на мой взгляд, и тоже очень хороша собой.

– Которая же? – Обернувшись, он взглянул на Элизабет и, встретившись с ней взглядом, отвернулся и холодно произнес: – Она недурна, но не настолько, чтобы привлечь мое внимание, а я нынче не в настроении уделять время девицам, которыми пренебрегли другие мужчины.

Нескольких гостей, имевших несчастье стоять слишком близко к окнам, немедленно схватили и употребили в пищу.

Когда мистер Дарси удалился, Элизабет почувствовала, что кровь застыла у нее в жилах. Никогда в жизни ей не наносили подобного оскорбления. Кодекс воинской чести требовал, чтобы она постояла за свое достоинство. Элизабет, стараясь не привлекать к себе внимания, потянулась к лодыжке и нащупала скрытый под платьем кинжал. Она намеревалась проследовать за мистером Дарси на улицу и перерезать ему горло.

Но стоило ей коснуться рукояти клинка, как в зале поднялся крик, сопровождаемый звоном бьющихся окон. В залу, двигаясь неуклюже, но быстро, повалили неприличности в погребальных одеждах различной степени неряшливости. У одних саваны истлели до такой степени, что выглядели решительно непристойно, на других были сюртуки столь засаленные, что казалось, они сотканы в основном из нечистот и засохшей крови. Плоть их претерпевала разные степени гниения – тела умерших недавно еще хранили упругость и были слегка зеленоватого оттенка, в то время как плоть давних покойников была серой и ломкой. Их глаза и языки давно превратились в пыль, а черепа скалились вечными застывшими улыбками.

Нескольких гостей, имевших несчастье стоять слишком близко к окнам, немедленно схватили и употребили в пищу. Вскочив, Элизабет увидела, что миссис Лонг пытается вырваться из лап двух ужасных созданий женского пола, которые, вцепившись зубами ей в голову, раскусили ее череп как скорлупу грецкого ореха, окропив фонтаном темной крови канделябры, подвешенные к потолку.

...мистер Дарси наблюдал, как Элизабет и ее сестры пробиваются вперед, обезглавливая на своем пути одного зомби за другим.

Гости разбежались кто куда, но голос мистера Беннета был ясно слышен среди общего смятения:

– Девочки! Пентаграмму смерти!

Элизабет немедленно присоединилась к четырем своим сестрам – Джейн, Мэри, Кэтрин и Лидии, уже стоявшим в центре танцевальной залы. Каждая из них, выхватив из-под платья кинжал, встала на конце воображаемой пятиконечной звезды. Из центра комнаты они начали одновременно расходиться, выставив вперед одну руку с острым клинком и скромно спрятав другую за спину.

Из угла залы мистер Дарси наблюдал, как Элизабет и ее сестры пробиваются вперед, обезглавливая на своем пути одного зомби за другим. До этого он знал лишь одну женщину во всей Великобритании, которая владела клинком с таким же мастерством, изяществом и смертельной точностью.

Когда барышни добрались до стен залы, все неприличности были уничтожены.

За исключением нападения, вечер для всего семейства выдался вполне приятным. Миссис Беннет наблюдала, как незерфилдское общество превозносит ее старшую дочь. Мистер Бингли танцевал с ней дважды, и его сестры любезно оказали ей внимание. Джейн была польщена так же, как и ее мать, однако выказывала свой восторг гораздо более сдержанно. Элизабет разделяла радость Джейн. Мэри слышала, что мисс Бингли доложили о ней как о самой образованной девушке в местном обществе, а Кэтрин и Лидии посчастливилось ни разу не остаться без кавалера, что для них и представляло основную прелесть бала. Поэтому они в добром расположении духа вернулись в Лонгборн – деревушку, где они жили, занимая самое видное положение среди тамошних обитателей.

Глава 4

Оставшись наедине с Элизабет, Джейн, которая прежде была весьма сдержанна в своих похвалах мистеру Бингли, призналась сестре, как сильно он ее впечатлил.

– Он таков, каким и надлежит быть молодому человеку, – сказала она. – Разумный, добродушный, полный жизни. И я ранее не встречала столь очаровательных манер – он держится так непринужденно и так безупречно воспитан!

– Да, – ответила Элизабет, – однако в пылу битвы ни он, ни мистер Дарси не спешили хвататься за меч или дубину.

– Что до меня, то я была очень польщена повторным приглашением на танец. Подобного комплимента я никак не ожидала.

– Он и впрямь очень мил, и раз уж он тебе нравится, то я не буду этому препятствовать, хоть ему и недостает отваги. Тебе, бывало, нравились кавалеры гораздо глупее его.

– Ах, Лиззи!

– О, тебе легко удастся любить всех людей, ты ведь ни в ком не видишь изъянов. Я ни разу в жизни не слышала, чтобы ты о ком-нибудь дурно отозвалась.

– Мне просто не по душе поспешные суждения.

– Несмотря на твой здравый смысл, ты так искренне не замечаешь глупости и недостатков окружающих! Полагаю, его сестры тебе тоже понравились? А ведь их манеры вовсе не те, что у мистера Бингли.

Сестры его, впрочем, были дамами весьма утонченными, и даже учтивыми, когда это входило в их намерения, но в то же время особами гордыми и тщеславными. Обе они были довольно привлекательны, получили воспитание в одном из первых частных лондонских пансионатов, но почти не были обучены боевым искусствам, изучению которых так много времени посвящали Элизабет и ее сестры – как в Англии, так и во время поездок на Восток.

Что до самого мистера Бингли, то их с мистером Дарси связывала прочнейшая дружба, несмотря на столь заметную разность их характеров. И хоть Бингли был вовсе не глуп, Дарси обладал поистине острым умом. И при этом он был надменным, замкнутым и очень взыскательным человеком, а манеры его, хоть и безупречные, не располагали к нему людей. Где бы ни появлялся Бингли, он тотчас же вызывал всеобщую приязнь, Дарси же производил на всех отталкивающее впечатление.

Однако никто – даже мистер Бингли – не подозревал, что у Дарси была причина, чтобы держаться так холодно. До недавнего времени он представлял собой само воплощение любезности и был жизнерадостным и чрезвычайно предупредительным юношей. Но вся его натура переменилась навеки из-за предательства, говорить о котором у него не хватало духу.

Глава 5

На небольшом, но все же небезопасном расстоянии от Лонгборна проживало семейство, с которым Беннеты поддерживали особенно тесные отношения. Сэр Уильям Лукас прежде занимался пошивом саванов столь благородного покроя, что король решил пожаловать ему дворянство. Дела его шли неплохо, однако из-за неведомого недуга нужда в его услугах вскоре отпала. Многие считали, что слишком накладно одевать покойников в дорогое платье, если они все равно запачкают его, выбираясь из могилы. Поэтому сэр Лукас вместе с семьей перебрался в свое поместье, которое находилось в миле от Меритона.

Леди Лукас была женщиной очень приятной и достаточно недалекой, чтобы быть миссис Беннет полезной соседкой.

У Лукасов было несколько детей, и старшая из них, умная и рассудительная молодая женщина лет двадцати семи, была близкой подругой Элизабет.

– Для вас, Шарлотта, вечер начался весьма удачно, – обратилась миссис Беннет к мисс Лукас, пытаясь быть любезной. – Ведь первый танец мистер Бингли танцевал с вами.

– Да, но, кажется, второй танец понравился ему гораздо больше.

– О, полагаю, вы намекаете на Джейн, потому что он приглашал ее дважды и потому что она так доблестно сражалась с неприличностями.

– А разве я не рассказывала вам, что случайно расслышала его разговор с мистером Робинсоном? Мистер Робинсон все расспрашивал мистера Бингли: понравилось ли ему местное общество, не правда ли, мол, что в зале полно хорошеньких девушек, и кого бы он назвал самой хорошенькой? И мистер Бингли незамедлительно ответил на последний вопрос: “О, разумеется, старшую мисс Беннет! На сей счет не может быть двух мнений!”

– Право же, это весьма откровенное высказывание!

– Зато слушать мистера Дарси куда менее приятно, чем его друга, не так ли? – сказала Шарлотта. – Бедняжка Элиза! По его мнению, она всего лишь “недурна”!

– Прошу вас, не внушайте Лиззи мыслей о том, что его невежливость может хоть кого-то оскорбить, ведь он такой неприятный человек, что понравиться ему было бы сущим несчастьем! Прошлым вечером миссис Лонг сказала мне... – Голос миссис Беннет дрогнул при воспоминании о том, как отвратительные создания вгрызались в череп миссис Лонг. Несколько минут дамы сидели в приличествующем случаю молчании.

– Мисс Бингли рассказала мне, – наконец произнесла Джейн, – что в кругу незнакомых людей он очень немногословен, зато с самыми близкими своими друзьями он необычайно приветлив.

– И все же, – сказала мисс Лукас, – его гордость не кажется мне столь оскорбительной, поскольку ей можно найти оправдание. Не удивительно, что такой превосходный молодой человек, у которого есть всё – и богатство, и благородное происхождение, будет о себе достаточно высокого мнения. Иными словами, он имеет право быть гордым.

– Действительно, это так, – отвечала Элизабет, – и я легко простила бы ему его гордость, не задень он мою. Я перерезала бы ему горло, если бы меня не отвлекло нападение неприличностей.

– Гордость, – заметила Мэри, свято уверенная в основательности своих суждений, – недостаток, как мне кажется, весьма распространенный. Прочитанные книги лишь укрепили меня в этом мнении.

Элизабет, не сдержавшись, закатила глаза, а Мэри между тем продолжала:

– Однако же тщеславие и гордость – понятия разного толка, несмотря на то, что эти два слова зачастую используются как синонимы. Человек может быть гордым, не будучи при

этом тщеславным. Гордость скорее относится к тому, что мы сами думаем о себе, тщеславие – к тому, что мы хотим, чтобы другие думали о нас.

На этом месте Элизабет принялась откровенно зевать. Она всегда восхищалась отвагой Мэри в бою, но в остальное время находила ее несколько утомительной.

Глава 6

Лонгборнские дамы вскоре навестили обитательниц Незерфилда. Приятные манеры Джейн еще более расположили к ней миссис Херст и мисс Бингли, и хотя мать семейства была объявлена невыносимой, а младшие сестры – не заслуживающими внимания, двух старших они сочли достойными более близкого знакомства. Выказанное предпочтение обрадовало Джейн, но Элизабет по-прежнему замечала, как они высокомерны в обращении. Кроме того, очевидно было, что Бингли восхищен Джейн. От внимания Элизабет также не ускользнуло и то, что Джейн уже вполне готова серьезно в него влюбиться, однако она с удовлетворением думала, что чувства ее сестры вряд ли станут известны окружающим. Этой мыслью Элизабет поделилась со своей подругой мисс Лукас.

– Быть может, это и неплохо, – ответила Шарлотта, – но иногда подобная сдержанность может обернуться недостатком. Если женщина столь же искусно скрывает свои чувства и от того, к кому она их питает, то ей может и не представиться случая удержать его. В девяти случаях из десяти женщине стоит выказывать больше привязанности, чем она испытывает на самом деле. Бингли, несомненно, нравится твоя сестра, но без ее поощрения этим все может и закончиться.

– Но она поощряет его – насколько это позволяет ее характер. Не забывай, Шарлотта, она в первую очередь воин и лишь затем – женщина.

– Что ж, – сказала Шарлотта, – я всем сердцем желаю Джейн успеха, но, на мой взгляд, выйди она за него замуж завтра – и вероятность того, что она будет с ним счастлива, столь же велика, как если бы она перед тем целый год изучала его характер. Счастье в браке – полностью дело случая, и лучше знать как можно меньше о недостатках того, с кем тебе придется прожить всю оставшуюся жизнь.

– Шарлотта, ты меня насмешила, но все это неправильно, и ты знаешь, что это неправильно, и сама так ни за что не поступишь.

– Не забывай, Элизабет, я ведь не воин, как ты. Я всего лишь глупая девица двадцати семи лет, да еще и незамужняя.

Внимательно наблюдая за своей сестрой и мистером Бингли, Элизабет и не подозревала, что за ней самой с возрастающим интересом наблюдает его друг. Поначалу мистер Дарси с трудом согласился признать ее хотя бы хорошенькой, на балу смотрел на нее безо всякого восхищения, а когда им довелось встретиться в следующий раз, он взглянул на нее лишь затем, чтобы отметить ее недостатки. Но стоило ему доказать своим друзьям и самому себе, что в ее лице сложно отыскать и одну правильную черту, как он тотчас же заметил, что прекрасное выражение темных глаз, впрочем, как и ловкость Элизабет в обращении с клинком, делают это лицо необычайно для него притягательным. Вслед за этим открытием последовали и другие, не менее опасные. Хоть он и нашел несколько изъянов в ее сложении, но был вынужден отметить, что у нее легкая и стройная фигура, а руки удивительно мускулистые, хоть и не настолько, чтобы умалить ее женственность.

Ему захотелось разузнать о ней побольше, но перед тем, как самому заговорить с ней, он стал для начала прислушиваться к ее беседам с другими. Такое поведение привлекло ее внимание. В этот раз большое общество собралось в поместье сэра Уильяма Лукаса.

– С чего бы вдруг мистеру Дарси слушать наш разговор с полковником Форстером? – спросила она Шарлотту.

– На этот вопрос может ответить лишь сам мистер Дарси.

– Право же, если он снова себе это позволит, я дам ему понять, что все замечаю. Я еще не простила оскорбление, которое он нанес моей чести, и еще не раздумала прибить его голову у себя над камином.

Мистер Дарси вскоре подошел к ним. Элизабет повернулась к нему и спросила:

– Не правда ли, мистер Дарси, я была невероятно красноречива в разговоре с полковником Форстером, особенно когда встал вопрос, стоит ли ему давать бал в Меритоне?

– Вы выразились весьма энергичически по этому вопросу, и если уж он так стоит, то почему бы и не дать?

– Вопрос был лишь в том, стоит ли давать, мистер Дарси.

– Вот что, – произнесла мисс Лукас, внезапно зардевшись, – я пойду и открою инструмент, Элиза, и, надеюсь, ты понимаешь, к чему я клоню.

– Ну и странная же ты подруга, право! Вечно хочешь, чтобы я пела и играла на публике!

Играла Элизабет довольно мило, но отнюдь не виртуозно. После нескольких песенок сестра Мэри потеснила ее у инструмента и, отыграв долгий концерт, с радостью присоединилась к своим младшим сестрам, которые вместе с прочими Лукасами и двумя-тремя офицерами затеяли танцы в дальнем углу залы.

Мистер Дарси стоял рядом с ними, в молчаливом неодобрении подобного способа провести вечер, исключавшего всякую возможность какой-либо беседы, и был так поглощен своими мыслями, что заметил стоявшего возле него сэра Уильяма Лукаса, только когда тот произнес:

– Какое дивное развлечение для молодежи, вы не находите, мистер Дарси?

– Несомненно, сэр, впрочем, оно также в чести и в менее приличных обществах, чем нынешнее. Плясать умеет любой дикарь. Да что там, полагаю, даже зомби могут достигнуть известных успехов в танце.

Сэр Уильям лишь улыбнулся, не зная, что и сказать в ответ на подобную грубость. Тут он с облегчением заметил, что к ним приближается Элизабет.

– Моя дорогая мисс Элиза, отчего вы не танцуете? Мистер Дарси, позвольте вас уверить, что эта юная леди – самая достойная партия для танца. Уверен, вы не откажетесь потанцевать со столь прелестной партнершей.

Взяв Элизабет за руку, он подвел ее к мистеру Дарси, который был отнюдь не прочь воспользоваться приглашением. Но она тотчас же отпрянула назад и, слегка смутившись, сказала сэру Уильяму:

– Право же, сэр, я вовсе не хочу танцевать. Прошу вас, не думайте, что я подошла к вам в надежде отыскать себе партнера.

Мистер Дарси в самых вежливых выражениях попросил ее оказать ему честь и протанцевать с ним, но Элизабет была непреклонна. Насмешливо улыбнувшись, она удалилась. Ее отказ отнюдь не умалил ее достоинств в глазах мистера Дарси, и он не без восхищения вспоминал о ней, когда к нему обратилась мисс Бингли:

– Думаю, что могу угадать причину вашей задумчивости.

– Не думаю, что вам это удастся.

– Вы размышляете о том, как это невыносимо – провести еще множество вечеров таким образом – среди подобного шума, косности, ничтожности и вместе с тем невероятного самодовольства этих людей! Я бы многое дала, чтобы услышать вашу отповедь в их адрес!

– Уверяю вас, вы заблуждаетесь. Я размышлял о более приятных материях – о том, сколько радости может доставить взгляд прекрасных глаз очаровательной женщины.

Мисс Бингли тотчас же пристально взглянула на него и пожелала узнать, какая же дама вдохновила его на подобные размышления. Мистер Дарси ответил:

– Мисс Элизабет Беннет.

– Мисс Элизабет Беннет? – переспросила мисс Бингли. – Защитница Лонгборна? Героиня Хартфордшира? Я в полном замешательстве. Право же, у вас будет прелестная теща, и, разумеется, объединив ваши силы и превосходное владение боевыми искусствами, вы одолеете полчища неприличностей.

Мистер Дарси слушал, как она забавлялась подобным образом, с совершенным безразличием; его невозмутимость убедила ее, что повода для тревоги нет, и она еще долго продолжала отпускать шутки такого рода.

Глава 7

Вся собственность мистера Беннета ограничивалась лишь имением, приносившим ему две тысячи фунтов в год, которое, к несчастью для его дочерей, могло достаться только наследнику мужского пола и, за отсутствием таковых в семействе Беннетов, должно было отойти их дальнему родственнику. И, уже ко всеобщему несчастью, поместье находилось в низине, что делало его оборону крайне затруднительной. Состояния же миссис Беннет, хоть и достаточного в ее нынешнем положении, едва ли хватило бы в случае утраты имения. От отца, который был поверенным в Меритоне, она унаследовала четыре тысячи фунтов.

Ее сестра была замужем за мистером Филипсом, который служил клерком у их отца и возглавил контору после его смерти. Брат миссис Беннет перебрался в Лондон, где получил ученую степень, а ныне владел несколькими фабриками, работавшими на нужды обороны.

Деревушка Лонгборн находилась всего в одной миле от Меритона – расстояние для юных девиц самое удобное, и поэтому, невзирая на то что неприличности частенько нападали на проходящих путников, сестры Беннет навещали туда по три-четыре раза на неделю, чтобы навестить свою тетушку и расположенную неподалеку шляпную лавку. Двое младших, Кэтрин и Лидия, были там самыми частыми гостями. Будучи легкомысленнее старших сестер, они за неимением других развлечений отправлялись в Меритон, чтобы скрасить утренние часы и заодно отточить по дороге боевые навыки. Однако сейчас у них было предостаточно и новостей, и поводов для радости – неподалеку был расквартирован милицкий полк; всю зиму солдаты должны были выворачивать из промерзлой земли гробы и предавать их огню. Все офицеры поселились в Меритоне.

Теперь любой визит к миссис Филипс приносил множество прелюбопытнейших новостей. С каждым днем они получали все больше сведений об именах офицеров и их связях в обществе, а также самые свежие известия с полей сражений при Дербишире, Корнуолле и Эссексе, где шли самые ожесточенные бои. Ни о чем другом они и говорить не могли, и даже огромное состояние мистера Бингли, одно упоминание о котором приводило их мать в неопикуемый восторг, в их глазах не могло сравниться с мундиром лейтенанта и его вдохновенными историями о том, как он обезглавил неприличность одним ударом меча.

Однажды утром, выслушав очередные излияния на эту же тему, мистер Беннет спокойно заметил:

– Судя по тому, что мне довелось услышать, вы, должно быть, две самые глупые девицы во всей стране. Что-то такое я всегда подозревал, но теперь убедился в этом окончательно.

– Поражаюсь, дорогой мой, – сказала миссис Беннет, – тому, с какой готовностью вы объявляете своих дочерей глупыми.

– Раз уж у меня глупые дети, это не должно быть для меня новостью.

– Да уж, но ведь они у нас необыкновенно умны. Вы забываете, как быстро они овладели всеми этими восточными трюками, на изучении которых вы так настаивали.

– Навыки, позволяющие сразить парочку пораженных недугом, не прибавят им ума, особенно если умения эти употребляются только для того, чтобы покрасоваться перед смазливými офицерами.

– Мама, – воскликнула Лидия, – тетушка говорит, что полковник Форстер и капитан Картер уже не так часто посещают мисс Уотсон, как по приезде, и теперь она частенько видит их на кладбище Шепердс-Хилл, где они поджигают склепы.

Ответить миссис Беннет помешал вошедший лакей, который принес записку для старшей мисс Беннет. Записку доставил слуга из Незерфилда, и ему было велено дожидаться ответа.

– Ну же, Джейн, от кого это письмо? О чем там говорится?

– Это от мисс Бингли, – сказала Джейн и зачитала письмо вслух.

Дорогой друг,

Если вы не проявите снисхождение и не отобедаете сегодня со мной и Луизой, то мы с ней опасаемся окончательно возненавидеть друг друга, ибо затянувшийся tête-à-tête двух женщин может перерасти лишь в размолвку. Приезжайте сразу же, как получите эту записку, разумеется, если дороги свободны от неприличной нечисти. Мой брат вместе с другими джентльменами обедает сегодня у офицеров.

Навеки Ваша,

Кэролайн Бингли

– Обедать в гостях, – сказала миссис Беннет, – экое ужасное неудобство, учитывая, насколько беспокойно на дороге до Незерфилда.

– Могу ли я взять коляску? – спросила Джейн.

– Нет, моя милая, лучше поезжай верхом – собирается дождь, а в такую погоду неприличности как грибы лезут из влажной земли. Мне будет спокойнее, если ты сможешь передвигаться быстрее, да и к тому же в случае дождя они предложат тебе остаться на ночь.

– Это был бы неплохой замысел, – заметила Элизабет, – будь вам точно известно, что они не захотят отвезти ее домой.

– И все же я бы предпочла поехать в коляске, – сказала Джейн, явно обеспокоенная тем, что ей придется ехать одной.

– Душенька, я уверена, что у твоего отца нет лишних лошадей. Ведь все они нужны на ферме, не так ли, мистер Беннет?

– На ферме нужно гораздо больше лошадей, чем у меня имеется, – их уже немало пожрали на этих дорогах.

Посему Джейн была вынуждена отправиться верхом, и мать проводила ее до дверей, бодро уверяя, что погода непременно испортится. Надежды миссис Беннет оправдались – не успела Джейн уехать, как хлынул дождь, и мягкая земля разверзлась, выпустив наружу сотни отвратительных созданий, которые хоть еще и могли похвастаться полуистлевшими нарядами, но уже утратили все хорошие манеры, столь выгодно отличавшие их при жизни.

Сестры тревожились за Джейн, однако их матушка ликовала. Дождь не переставал весь вечер. Джейн никак не могла вернуться домой.

– Как я все удачно устроила! – без конца повторяла миссис Беннет, как будто бы помимо всего прочего она устроила еще и дождь. Но лишь на следующее утро ей довелось узнать, насколько удался ее хитроумный план. Сразу же после завтрака слуга из Незерфилда принес записку для Элизабет:

Милая Лиззи,

Нынче утром мне сделалось дурно, верно из-за того, что по пути в Незерфилд мне пришлось сразиться с несколькими проклянувшимися из-под земли неприличностями. Мои великодушные друзья и слышать не хотят о моем возвращении домой, пока я не поправлюсь. Они также настояли на том, чтобы послать за доктором Джонсом, поэтому не беспокойся, если услышишь, что он навещал меня, – я в полном здравии, если не считать пары синяков и небольшой царапины.

Твоя, и т. д.

– Что же, моя дорогая, – заметил мистер Беннет после того, как Элизабет прочла письмо вслух, – если ваша дочь умрет или – хуже того – подхватит неведомый недуг, мысль о том, что все это делалось ради мистера Бингли и по вашему настоянию, будет весьма утешительной.

– О, я не думаю, что она умрет. Никто не умирает от синяков и царапин. О ней прекрасно позаботятся.

Элизабет, которая уже места себе не находила от волнения, была полна решимости навестить Джейн, даже несмотря на то, что идти ей пришлось бы пешком, так как запрячь коляску было никак нельзя, а наездницей она была никудышной. Она объявила всем свое решение.

– Что за глупости! – вскричала ее мать. – Идти пешком, когда кругом столько нежити, да еще и по такой грязи! В каком виде ты доберешься туда, если вообще доберешься живой!

– Вы позабыли, что я ученица мастера Пей Лю из Шаолиня, маменька. Кроме того, нынче у нас на каждую неприличность причитается по три солдата. Я вернусь домой к обеду.

– Мы проводим тебя до Меритона, – сказали Кэтрин и Лидия.

Элизабет согласилась, и они отправились в путь вместе, вооруженные лишь кинжалами, спрятанными под платьями. Мушкеты и катаны¹ были более действенными средствами защиты, но считались неподобающими для дам, и поскольку сестры не ездили верхом, когда оружие можно было приторочить к седлу, им пришлось соблюдать приличия.

– Если поторопимся, – сказала Лидия, пока они осторожно продвигались вперед, – то можем застать капитана Картера до того, как он уйдет.

В Меритоне они распрощались; младшие сестры отправились в гости к одной из офицерских жен, а Элизабет пошла дальше одна, быстро пересекая поле за полем, карабкаясь через заграждения и перепрыгивая лужи. Во время одного из таких поспешных прыжков у Элизабет развязался шнурок на ботинке. Не желая появляться в Незерфилде в столь неопрятном виде, она нагнулась, чтобы завязать его.

Внезапно раздался ужасный визг, весьма похожий на тот, что издают свиньи, когда их режут. Элизабет сразу поняла, в чем дело, и проворно выхватила кинжал. С клинком наготове она развернулась, и перед ней предстало печальное зрелище – три неприличности, разинув рты, тянули к ней руки. Тот, что стоял ближе всех, казалось, умер совсем недавно – его саван еще не выщвел, а глаза не подернулись пылью. Он удивительно быстро заковылял по направлению к Элизабет, но когда оказался на расстоянии вытянутой руки, она вонзила кинжал ему в грудь и рванула его наверх. Лезвие прошло сквозь его лицо и шею, выйдя наружу через макушку. Он упал наземь и затих.

Второй была дама, гораздо покойнее своего спутника. Она бросилась на Элизабет, неуклюже размахивая когтистыми руками. Пренебрегая приличиями, Элизабет задрала юбку и ловко ударила ее ногой прямо в голову, которая тотчас же рассыпалась облаком костяной пыли. Она тоже упала и умерла снова.

Третий же был чрезвычайно высокого роста и, несмотря на то что был мертв уже порядочное время, по-прежнему обладал поразительной силой и ловкостью. Не успела Элизабет восстановить равновесие после удара ногой, как существо схватило ее за руку и вырвало кинжал. Она успела освободиться, не дав ему вцепиться в нее зубами, и приняла Позу Журавля, которую сочла весьма подходящей для оппонента такого роста. Как только мерзкая тварь приблизилась, Элизабет нанесла ему сокрушительный удар ниже пояса. Его конечности переломились, и беспомощная неприличность свалилась на землю. Она схватила кинжал и обезглавила последнего своего противника, а потом подняла его голову за волосы и издала такой победный клич, что его было слышно на мили вокруг.

¹ Катана — самурайский меч с длинным изогнутым лезвием. (Здесь и далее – прим. перев.)

Пренебрегая приличиями, Элизабет задрала юбку и ловко ударила ее ногой прямо в голову...

Наконец Элизабет добралась до Незерфилда – с гудящими от усталости ногами, запачканными чулками и покрасневшимся от долгой прогулки лицом.

Ее провели в комнату для завтрака, где собрались все, кроме Джейн, и где появление Элизабет вызвало чрезвычайное удивление. То, что она прошла пешком три мили – одна, в такую слякотную погоду, когда вокруг так много неприличностей, показалось мисс Бингли и миссис Херст почти невероятным, и Элизабет поняла, что они считают такое поведение недоподобающим. Однако же приняли они ее весьма любезно, а что до их брата, то он был не просто вежлив с ней, в его манерах были искреннее добродушие и приветливость. Мистер Дарси едва произнес пару слов, мистер Херст – и того меньше. Первый не знал, восхищаться ли ему дивным румянцем, который появился на щеках Элизабет после прогулки, или сомневаться, стоило ли ей предпринимать столь рискованное путешествие, имея при себе лишь кинжал. Второй же мог думать исключительно о завтраке.

Справившись о здоровье сестры, Элизабет получила неутешительные ответы. Мисс Беннет плохо спала всю ночь, металась в жару и утром ослабела настолько, что не смогла встать с постели. Элизабет поднялась к ней, в душе беспокоясь, что ее дорогая сестра пала жертвой неведомого недуга. После завтрака к ним присоединились сестры Бингли, и Элизабет даже прониклась к ним симпатией, видя, с какой заботой и участием они относятся к Джейн. Вскоре приехал аптекарь и, осмотрев больную, объявил, к вящему облегчению всех присутствовавших, что виной всему не неведомый недуг, а сильная простуда, которую Джейн подхватила, сражаясь под дождем с неприличностями.

Когда пробило три часа, Элизабет почувствовала, что ей пора возвращаться. Мисс Бингли предложила ей коляску. Но Джейн так не хотелось расставаться с любимой сестрой, что мисс Бингли пришлось вместо коляски предложить ей погостить пока в Незерфилде. Элизабет с благодарностью согласилась, и тотчас же в Лонгборн отправили слугу, который должен был предупредить семью, привезти необходимую одежду и, по особой просьбе Элизабет, ее любимый мушкет.

Глава 8

В пять часов вечера Элизабет удалилась, чтобы помедитировать и переодеться, и в половине шестого ее позвали к столу. Джейн было гораздо лучше. Услышав это, сестры мистера Бингли раза три или четыре повторили, что они весьма опечалены, что простуда – это просто ужасно, что сами они терпеть не могут хворать, и более к этой теме не возвращались. Увидев, что они выказывают заботу о Джейн, только когда та находится рядом, Элизабет вновь укрепилась в своей неприязни к ним.

Из всего собравшегося общества мистер Бингли был единственным, к кому она испытывала расположение. Он искренне тревожился за Джейн и к ней самой относился с необычайным радушием, так что Элизабет не чувствовала себя совсем уж непрошеной гостьей, каковой, судя по всему, ее считали остальные.

После обеда она сразу же вернулась к Джейн, и мисс Бингли принялась высмеивать Элизабет, как только та вышла из комнаты. Ее манеры были признаны из рук вон скверными – смещением гордости и нахальства, в ней не было ни красоты, ни шика, ни красноречия. Миссис Херст выразила полное согласие с сестрой и прибавила:

– Иными словами, ей нечем гордиться, кроме своих незаурядных боевых навыков. Мне вовек не забыть, в каком виде она появилась сегодня утром. Она выглядела совершеннейшей дикаркой.

– И впрямь, Луиза. Разгуливать в одиночку в столь опасное время – лишь потому, что ее сестра слегка простудилась?! А что за прическа! Волосы все растрепались.

– А ее нижняя юбка? Надеюсь, ты заметила, как она была испачкана – дюймов на шесть в грязи, не меньше. И частички разлагающейся плоти на рукавах – их, несомненно, оставил кто-то из нападавших.

– Быть может, твое описание и верно, Луиза, – сказал Бингли, – но ради меня ты зря старалась. Мне показалось, что мисс Элизабет Беннет выглядела чрезвычайно хорошо, когда вошла в комнату сегодня утром. И ее грязная нижняя юбка совершенно ускользнула от моего внимания.

– Зато вы, мистер Дарси, уж я уверена – заметили всё, – не унималась мисс Бингли, – и полагаю, вам бы не хотелось, чтобы ваша сестра появилась где-нибудь в подобном виде?

– Разумеется, нет.

– Пройти целых три мили или сколько там, утопая по щиколотку в грязи, и совсем, совсем одной! В то время как неприличная нежить денно и ночью подстерегает путников на дорогах и обрекает их на верную гибель? Что же означает подобная эскапада? Мне кажется, это верный признак самодовольства наихудшего сорта и пренебрежение приличиями, столь свойственное провинциалам.

– Это верный признак любви к сестре, что весьма похвально, – сказал Бингли.

– Боюсь, мистер Дарси, – тихонько заметила мисс Бингли, – что подобная выходка серьезно сказалась на вашем мнении о ее прекрасных глазах.

– Вовсе нет, – ответил тот, – после прогулки они блестели еще ярче.

За этим последовала небольшая пауза, и миссис Херст заговорила вновь:

– Но к мисс Джейн Беннет я весьма расположена, она и впрямь милая девушка, и я всем сердцем желаю ей хорошей партии. Но, боюсь, с такими родителями и столь низким происхождением ей вряд ли представится подходящий случай.

– Кажется, ты сказала, что их дядюшка служит поверенным в Меритоне?

– Да, а другой их дядя живет где-то в Чипсайде.

– Какая прелесть! – добавила ее сестра, и обе они от души расхохотались.

– Даже если их дядюшками можно будет заселить весь Чипсайд, – вскричал Бингли, – они не станут от этого менее привлекательными! А их боевые навыки разве не достойны уважения? Право же, никогда не видел дам, столь хладнокровных в бою.

– Однако это, скорее всего, помешает им найти себе приличную партию, – заметил Дарси.

На это Бингли ничего не ответил, но его сестры полностью поддержали Дарси.

Тем не менее, покинув обеденную залу, они в новом приступе нежности отправились в комнату Джейн и сидели с ней до тех пор, пока не подали кофе. Ей было по-прежнему нехорошо, и Элизабет не отходила от нее, пока с облегчением не заметила, что Джейн уснула, и не поняла, что ей нужно тоже спуститься вниз, хоть того и требовали манеры, а не ее желание. В гостиной все были заняты игрой в карты, и ее сразу же пригласили присоединиться к игрокам, но, заподозрив, что ставки высоки, Элизабет отказалась. Сославшись на состояние сестры, она сказала, что пробудет недолго и развлечет себя чтением книги. Мистер Херст с изумлением глянул на нее:

– Предпочитаете чтение игре в карты? – спросил он. – Как удивительно!

– Я многое предпочитаю картам, мистер Херст, – отозвалась Элизабет. – И среди прочего мне доставляет несказанную радость ощущение, когда остро отточенный клинок протыкает чей-нибудь толстый живот.

В течение всего оставшегося вечера мистер Херст был весьма молчалив.

– Уверен, вы с удовольствием ухаживаете за сестрой, – сказал Бингли, – и надеюсь, еще больше удовольствия вам доставит ее здоровый вид.

Элизабет поблагодарила его и подошла к столу, на котором лежало несколько книг. Бингли немедленно предложил принести еще – вся библиотека к ее услугам.

– Хотелось бы мне предоставить в ваше да и в свое распоряжение более обширную коллекцию, но я бездельник по натуре, и хоть книг у меня и немного, читал я и того меньше.

Элизабет уверила его, что ей достаточно и тех книг, что были в комнате.

– Поразительно, что отец оставил так мало книг, – сказала мисс Бингли. – А какая чудесная библиотека у вас в Пемберли, мистер Дарси!

– Еще бы, – ответил он. – Это заслуга многих поколений.

– Но вы и сами много к ней прибавили! Вы же постоянно покупаете книги.

– В такое время, как наше, не стоит пренебрегать фамильной библиотекой. Нам только и остается, что сидеть по домам и читать, пока лекарство от недуга наконец не обнаружат.

Элизабет закрыла книгу, подошла поближе к карточному столу и, встав между мистером Бингли и его старшей сестрой, принялась следить за игрой.

– Что, мисс Дарси с весны сильно выросла? – спросила мисс Бингли. – Она будет такой же высокой, как я?

– Думаю, да. Сейчас она ростом с мисс Элизабет Беннет или даже чуть выше.

– Как же мне хочется ее повидать! Редко кто вызывает у меня столько восхищения. Как она хороша собой, какие прекрасные у нее манеры! И она столь одаренная для своего возраста!

– Удивительно, – сказал Бингли, – как это у всех юных леди достает терпения быть такими одаренными.

– У всех? Дорогой Чарльз, о чем ты говоришь?

– Все они расписывают столики, разрисовывают экраны, вяжут кошельки. Мне кажется, я не встречал ни одной девушки, которая бы этого не умела, и нынче любой разговор о той или иной юной леди начинается с описания ее дарований.

– Так сейчас говорят, – сказал Дарси, – о любой женщине, которая и может только, что расписать экран или связать кошелек. Но моя сестра Джорджиана заслуженно отличается от них, поскольку владеет не только женскими, но и боевыми искусствами. Среди всех моих

знакомых я вряд ли могу назвать более полудюжины женщин, которые одарены так же, как Джорджиана.

– И я тоже, – согласилась мисс Бингли.

– В таком случае, мистер Дарси, – заметила Элизабет, – у вас, верно, очень твердое представление о том, какой должна быть по-настоящему одаренная женщина?

– Такая женщина должна быть в совершенстве обучена музыке, пению, танцам, рисованию и современным языкам; она должна безупречно владеть как боевыми искусствами мастеров Киото, так и современными тактиками и оружием. Кроме того, в ее походке, тембре голоса, обхождении и речи должно быть нечто особенное, иначе это звание будет лишь вполнину заслуженным. Но ко всему этому она должна прибавить кое-что более существенное – совершенствование ума беспрестанным чтением.

– Меня больше не удивляет, что вам знакомы всего шесть одаренных женщин. Удивительно то, что их так много.

– Вы столь взыскательны к собственному полу, что сомневаетесь, что это возможно?

– Я никогда не встречала такой женщины. Мой опыт говорит мне, что женщина либо хороша в бою, либо в светской беседе. Совершенствовать оба навыка – в наши дни большая роскошь. Что касается меня и сестер, наш дорогой отец счел нужным, чтобы мы уделяли меньше времени книгам и музыке и больше – способам защиты от пораженных недугом.

Миссис Херст и мисс Бингли выступили против столь несправедливых сомнений и в один голос стали уверять ее, что знают множество женщин, соответствующих этому описанию, но мистер Херст призвал их к порядку. Беседа, таким образом, подошла к концу, и вскоре Элизабет вышла из комнаты.

– Элизабет Беннет, – сказала мисс Бингли сразу же, как за той закрылась дверь, – из тех девиц, что желают понравиться противоположному полу, принижая свой собственный, и, надобно сказать, со многими мужчинами этот трюк проходит. Но, на мой взгляд, это жалкая и очень недостойная уловка.

– Несомненно, – отвечал мистер Дарси, к которому в основном и была обращена эта реплика, – недостойным можно называть любое ухищрение, к которому прибегают женщины, стремясь понравиться мужчине. Все, что сродни хитрости, заслуживает порицания.

Этот ответ пришелся мисс Бингли не совсем по душе, поэтому она переменяла предмет разговора. Элизабет вновь спустилась к ним лишь затем, чтобы сообщить, что ее сестре стало хуже и она не может ее оставить. Бингли предложил без промедления послать за мистером Джонсом, в то время как его сестры, убежденные в том, что от провинциальных докторов толку мало, предлагали отправить нарочного в столицу за светилом медицинской науки. Об этом Элизабет и слышать не желала – слишком опасно было отправлять посыльного на ночь глядя, однако же охотно приняла предложение их брата. Порешили на том, что за мистером Джонсом пошлют рано утром, если мисс Беннет не станет получше. Бингли не находил себе места, его сестры объявили, что они безутешны. Однако же им удалось утешиться, распевая дуэты после ужина, в то время как он не придумал ничего иного, кроме как наказать экономке исполнять любую просьбу больной дамы и ее сестры.

Глава 9

Почти всю ночь Элизабет провела в комнате сестры и наутро, к счастью, смогла сообщить хорошие новости горничной, которую мистер Бингли послал справиться о состоянии больной. Она попросила отправить к матери в Лонгборн записку с просьбой навестить Джейн и самой составить мнение о ее состоянии. Посыльного снарядили без промедления, однако на пути тот повстречал толпу недавно откопавшихся зомби, и исход этой встречи, как и следовало ожидать, был весьма плачевным.

Второй посыльный оказался более удачлив, и переданная им просьба была столь же быстро исполнена. Миссис Беннет в сопровождении двух своих младших дочерей и их боевых луков приехала в Незерфилд вскоре после завтрака.

Если бы у Джейн проявились хоть малейшие симптомы неведомого недуга, миссис Беннет была бы крайне опечалена, но поскольку она убедилась, что болезнь Джейн не представляет опасности, то не желала дочери быстрее пойти на поправку. Ведь выздороветь означало покинуть Незерфилд. Поэтому она и слушать не стала просьб Джейн отвезти ее домой, но, впрочем, прибывший следом аптекарь это тоже решительно отсоветовал. При встрече с ними Бингли выразил надежду, что миссис Беннет не застала дочь в худшем состоянии, чем она ожидала.

– Увы, сэр, – отвечала она. – Она так больна, что ее нельзя везти домой. Мистер Джонс сказал, что об этом и думать не следует. Придется нам еще немного злоупотребить вашей добротой.

– Отвезти домой? – вскричал Бингли. – Этого решительно нельзя делать!

Миссис Беннет не поскупилась на благодарности.

– Уверена, – добавила она, – что если бы у Джейн не было таких добрых друзей, я даже и не знаю, что с ней бы стало. Ведь она так больна и терпит ужасные страдания, хоть терпения ей и не занимать, – и за это, полагаю, нам нужно благодарить мастера Лю, в обучении у которого она провела много месяцев.

– Могу ли я надеяться свести знакомство с этим джентльменом в Хартфордшире? – спросил Бингли.

– Не думаю, – ответила она, – поскольку он никогда не покидал стен монастыря Шаолинь в провинции Хэнань. Именно там наши девочки провели так много времени, учась терпеливо сносить самые различные неудобства.

– Можно ли спросить, какого рода были эти неудобства?

– Разумеется, – ответила Элизабет, – хотя я предпочла бы не рассказывать, а показывать.

– Лиззи! – воскликнула ее мать. – Помни, где ты находишься, и не вздумай выкинуть тут один из своих безумных трюков, которые ты привыкла проделывать дома.

– Я и не догадывался о подобных свойствах вашего характера, – сказал Бингли.

– Мой характер не имеет значения, – ответила Элизабет. – А вот характеры других меня весьма занимают. За ними я могу наблюдать часами.

– В деревенском обществе, – сказал Дарси, – едва ли найдется много объектов для подобного наблюдения. Круг общения тут невелик, да и меняется редко.

– Да, разве что провинцию заполонят столичные зомби.

– Право же, – воскликнула миссис Беннет, уязвленная его словами о деревенском обществе, – уверяю, у нас тут бывает не менее оживленно, чем в Лондоне!

Все изрядно удивились, а Дарси, лишь глянув на нее, отвернулся, не сказав ни слова. Миссис Беннет, вообразив, что разбила его наголову, продолжала праздновать победу.

– Не вижу, чем Лондон так уж привлекательнее сельской местности, в особенности с тех пор, как его обнесли Стеной. Пусть эта крепость и изобилует магазинами, но все же это крепость, пребывание в которой вряд ли пойдет на пользу даме с расстроенными нервами. В провинции куда как приятнее, не так ли, мистер Бингли?

– Всякий раз, когда я приезжаю в провинцию, – отвечал тот, – то не желаю покидать ее, но, возвращаясь в столицу, испытываю то же самое. Везде найдутся свои преимущества, касательно и неведомого недуга, и всего прочего. И хотя в столице я нахожусь в большей безопасности, в моем нынешнем окружении я чувствую себя гораздо счастливее.

– И несомненно, причиной тому ваш счастливый характер. Однако этот джентльмен, – миссис Беннет покосилась на Дарси, – кажется, невысокого мнения о сельском обществе.

– Право, мама, вы заблуждаетесь, – сказала Элизабет, краснея из-за поведения матери. – Вы вовсе не так поняли мистера Дарси. Он лишь хотел сказать, что в сельском обществе не встретишь такого людского разнообразия, как в столице, и, согласитесь, это справедливое замечание. Но я думаю, и мистер Дарси согласится с тем, что по нынешним временам жить в деревне куда как приятнее, поскольку кладбищ здесь гораздо меньше.

– Разумеется, моя милая, но что до людского разнообразия, так, полагаю, вряд ли в другой округе общество будет побольше нашего. Мы получаем приглашения к обеду от двадцати четырех семейств! Впрочем, уже, думаю, двадцати трех – упокой Господь душу несчастной миссис Лонг.

Дарси лишь улыбнулся, и последовавшая пауза заставила Элизабет трепетать. Ей хотелось сказать что-нибудь, но слова не шли на ум, и миссис Беннет наконец снова принялась повторять, как она благодарна мистеру Бингли за его доброту к Джейн, и извиняться за то, что им приходится терпеть у себя еще и Лиззи. Мистер Бингли ответил ей с неподдельной любезностью и таким образом принудил к любезности и свою младшую сестру, которая произнесла приличествующие случаю слова. Прodelала она это без особого радушия, но миссис Беннет осталась в восторге и вскоре попросила, чтобы подали коляску. Тотчас же, как по сигналу, вперед выступили две ее младшие дочери. Девушки шептались между собой на протяжении всего визита, и наконец самая младшая осмелилась напомнить мистеру Бингли, что еще по приезде он обещал устроить в Незерфилде бал.

Пятнадцатилетняя Лидия была высокой, крепко сбитой и румяной девицей очень оживленного нрава. В боевых искусствах она была столь же убийственно хороша, как и Лиззи, хоть и не столь умна, и сразила первую в своей жизни неприличность в весьма примечательном возрасте семи с половиной лет. Поэтому у нее хватило духу заговорить с мистером Бингли о бале и без обиняков напомнить ему о данном обещании, добавив при этом, что если он не сдержит слово, то это будет самым нечестным на свете поступком. То, как Бингли отразил эту внезапную атаку, было усладой для слуха их матери.

– Уверю вас, я готов сдержать свое слово, и как только ваша сестра поправится, вы сами, если того желаете, назовете дату бала. Ведь вам же не захочется танцевать, пока вашей сестре нездоровится?

Лидию это полностью устраивало.

– Да, лучшеждемся, пока Джейн выздоровеет, и к тому времени капитан Картер наверняка снова будет в Меритоне. А после вашего бала, – прибавила она, – я упрошу офицеров тоже устроить бал. Непременно скажу полковнику Форстеру, что отказываться будет просто нечестно!

На этом миссис Беннет и ее дочери распрощались, и Элизабет сразу же вернулась к Джейн, оставив двух дам и мистера Дарси осуждать поведение ее родни и ее саму. Впрочем, от мистера Дарси порицания Элизабет они так и не добились, несмотря на все едкие замечания мисс Бингли по поводу “прекрасных глаз”.

Глава 10

День прошел почти так же, как и предыдущий. Днем миссис Херст и мисс Бингли несколько часов посвятили больной, которая хоть и медленно, но шла на поправку, а вечером Элизабет присоединилась к обществу в гостиной. Однако карточный стол был убран. Мистер Дарси писал письмо, а мисс Бингли, сидя подле него, следила за тем, как он пишет, и беспрестанно отвлекала просьбами передать что-либо его сестре. Мистер Херст и мистер Бингли играли в пикет, а миссис Херст наблюдала за игрой.

Элизабет принялась смазывать приклад своего мушкета и от души развлекалась, слушая беседу мистера Дарси и мисс Бингли.

– Как обрадуется мисс Дарси такому письму!

Ответа не последовало.

– Вы невероятно быстро пишете!

– А вы невероятно много болтаете.

– Сколько же писем вам приходится писать в течение года! Да еще и деловые письма! Ужасное занятие, на мой взгляд!

– Ужасно то, что мне столь часто приходится писать их в вашей компании.

– Прошу вас, напишите вашей сестре, что я жажду с ней повидаться.

– Я написал – вы уже просили меня об этом.

– Как у вас выходят такие ровные строки?

Ответа не последовало.

– Передайте вашей сестре, что я несказанно рада ее успехам в игре на арфе, и не забудьте прибавить, что я в полнейшем восторге от ее эскиза для росписи столика.

– Мисс Бингли, стенания сотен неприличностей будут более милы моему слуху, чем еще одно слово из ваших уст. Не будь вы в целом весьма благовоспитанной леди, мне пришлось бы отрезать вам язык.

– О, впрочем, все это пустяки, я и так увижусь с ней в январе. А вы всегда пишете столь очаровательно длинные письма, мистер Дарси?

– Длинные – да, но вот насколько они очаровательны, решать не мне.

– Уверена, тот, кто с легкостью может написать длинное письмо, не может написать его дурно.

– Этим Дарси не польстишь, Кэролайн, – воскликнул ее брат, – поскольку пишет он безо всякой легкости. Везде старается вернуть побольше четырехсложных словечек, ведь правда, Дарси?

Мистер Дарси продолжал молча писать письмо, но Элизабет заметила, как сильно ему докучают его друзья.

Когда с письмом было покончено, мистер Дарси обратился к мисс Бингли и Элизабет с просьбой что-нибудь исполнить. Мисс Бингли ретиво бросилась к фортепиано, но, вежливо осведомившись, не желает ли Элизабет сыграть первой, уселась обратно.

Когда Элизабет заиграла, миссис Херст с сестрой запели:

Лежали тихо мертвецы в могилах,
И Лондон лишь живым принадлежал,
Но Англию чумою поразило,
И на защиту дома каждый встал.

Пока они играли и пели, Элизабет не могла не заметить, как часто мистер Дарси глядит на нее. Она ни секунды не полагала, что могла чем-то привлечь столь важного человека,

однако же мысль о том, что он смотрит на нее потому, что она ему неприятна, была еще более дикой. Наконец она решила, что, по его мнению, из всех присутствующих она наименее соответствует его представлениям об идеале, и этим обусловлено его внимание. Это предположение отнюдь не ранило ее. Он был ей слишком несимпатичен, чтобы искать его одобрения.

Чтобы оживить обстановку, мисс Бингли заиграла бойкую шотландскую песенку, и мистер Дарси, приблизившись к Элизабет, спросил:

– Разве не тянет вас, мисс Беннет, воспользоваться случаем и протанцевать рил?

Она улыбнулась, но ничего не ответила. Удивившись ее молчанию, он повторил вопрос.

– О! – ответила она. – Я прекрасно вас расслышала, но сразу не нашлась с ответом. Знаю, вы хотели бы, чтобы я согласилась, и тогда вы имели бы удовольствие осудить мой вкус, но я люблю обходить такие ловушки, не позволяя тем, кто их расставляет, выказать предвкушаемое презрение. Поэтому я решила сказать вам, что вовсе не желаю танцевать рил – теперь осуждайте меня, коли осмелитесь!

– И впрямь я не осмеливаюсь это сделать.

Элизабет, которая намеревалась уколоть его, подобная галантность изумила. Что до мистера Дарси, то ни одна женщина еще не пленяла его столь сильно, как Элизабет. Он искренне считал, что если бы не ее низкое положение, то ему угрожала бы опасность влюбиться. А если бы не его безупречное владение боевыми искусствами, то ему вдобавок угрожала бы опасность быть побежденным ею, поскольку он никогда еще не встречал дамы, которая сражалась бы с ожившими мертвецами лучше, чем Элизабет.

Мисс Бингли заметила или сообразила достаточно, чтобы в ней пробудилась ревность; и ее трепетная забота о скорейшем выздоровлении дорогой подруги Джейн была подкреплена желанием избавиться от Элизабет. Часто она пыталась вызвать у Дарси неприязнь к их госте, разговаривая об их воображаемом браке и о том, сколько счастья принесет ему такой союз.

– Надеюсь, – сказала она, когда на следующий день они вместе гуляли по парку, – когда это столь желанное событие состоится, вы намерены вашей теще, что ей бы иногда стоило придержать язык, и еще, если сможете, отсоветуете младшим сестрам увиваться за офицерами. И, если мне будет дозволено коснуться столь щекотливого предмета, постараюсь ограничить весьма неженскую привязанность мисс Беннет к ружьям, мечам и боевым искусствам – подобные глупости более подходят мужчинам или женщинам низкого происхождения.

– Можете ли вы посоветовать еще что-нибудь, что обеспечило бы мне счастье в браке?

В этот момент они повстречали миссис Херст и Элизабет, которые шли по другой дорожке.

– Я и не знала, что вы тоже решили прогуляться, – смущенно сказала мисс Бингли, беспокоясь, что ее могли услышать.

– Вы обошлись с нами очень дурно, – ответила миссис Херст, – бросили нас, ни словом не обмолвившись, что идете гулять.

И, взяв мистера Дарси под руку с другой стороны, она оставила Элизабет одну на тропинке. Дорожка была недостаточно широка для четверых. Заметив допущенную бестактность, мистер Дарси немедленно сказал:

– Тут не хватает места для всех, нам лучше выйти на аллею.

Но Элизабет, которой вовсе не хотелось оставаться с ними, рассмеялась:

– Нет-нет, оставайтесь здесь. Вы образуете живописную композицию и выглядите просто очаровательно. Гармония будет нарушена вторжением четвертой фигуры. Кроме того,

эта тропинка, скорее всего, кишит зомби, а у меня нет никакого настроения сражаться с ними сегодня. Прощайте!

И она весело сбежала от них – бродить по парку, радуясь тому, что окажется дома всего через пару дней. Джейн уже настолько окрепла, что намеревалась вечером спуститься в гостиную на час-другой.

Глава 11

После обеда, когда дамы покинули столовую, Элизабет поднялась к сестре и, убедившись, что та хорошо себя чувствует, сопроводила ее в гостиную, где ее с необычайным восторгом поприветствовали мисс Бингли и миссис Херст. Элизабет никогда прежде не видела их более любезными, чем в тот час, что они провели вместе до прихода джентльменов. Ей пришлось признать, что, хоть в бою от них было мало проку, искусством беседы они владели в совершенстве.

“Если бы словом можно было обезглавить зомби, – подумала она, – то я сейчас находилась бы в обществе двух величайших воительниц”.

Но стоило появиться джентльменам, как взор мисс Бингли устремился на мистера Дарси, и не успел он войти, как она уже нашла, что ему сказать. Он же обратился к Джейн и вежливо поздравил ее с выздоровлением. Мистер Херст также слегка поклонился ей и сказал, что “весьма рад тому, что это была всего лишь простуда, а не неведомый недуг”. Но самое сердечное приветствие исходило от мистера Бингли. Он был полон внимания и восхищения. Первые полчаса он усердно ворошил угли в камине, чтобы мисс Беннет не озябла. Затем он уселся рядом с ней и до конца вечера почти ни с кем, кроме Джейн, не разговаривал. Элизабет, сидя за небольшим точильным кругом в углу гостиной, наблюдала за происходящим с превеликим удовольствием и затачивала мечи джентльменов, которые при осмотре оказались тупыми до неприличия.

После чая мистер Херст предложил своей невестке усесться за карты, но его предложение пропало втуне. Кэролайн заранее разузнала, что Дарси не станет играть, да и все остальные просьбу мистера Херста не поддержали. Мисс Бингли уверила его, что никто не желает садиться за игру, и всеобщее молчание показывало, что она была права. Поэтому мистеру Херсту ничего не оставалось, кроме как растянуться на кушетке и уснуть. Дарси углубился в чтение, мисс Бингли сделала то же самое, а миссис Херст, увлекшись игрой с сюрикенами Элизабет, иногда вставляла слово-другое в беседу ее брата с мисс Беннет.

Вместе с чтением своей книги мисс Бингли успевала и прилежно следить за тем, как читает мистер Дарси, – она то и дело обращалась к нему с вопросами или заглядывала в его книгу. Однако же вовлечь его в разговор мисс Бингли не удалось, он лишь отвечал на ее вопросы и продолжал чтение. Наконец, утомившись от попыток развеселить себя книгой, выбранной лишь потому, что это был второй том романа, который читал мистер Дарси, она зевнула и произнесла:

– Как приятно вот так проводить вечера! Решительно, нет большего удовольствия, чем чтение.

– Так говорит тот, кто не знает, какое удовольствие – держать в руке еще бьющееся сердце, – возразил Дарси.

Мисс Бингли, уже привыкнув к тому, что ее боевые навыки частенько становятся предметом насмешки, ничего не ответила. Снова зевнув, она отложила книгу и принялась оглядывать комнату в поисках какого-либо развлечения. Услышав, что ее брат говорит мисс Беннет о бале, она внезапно повернулась к нему и сказала:

– Кстати, Чарльз, неужели ты действительно хочешь устроить бал в Незерфилде? Советую тебе прислушаться к пожеланиям собравшегося здесь общества – я ведь не ошибусь, если скажу, что для многих тут бал будет скорее пыткой, чем поводом для радости.

– Если ты говоришь о Дарси, – откликнулся ее брат, – то он может улечься спать еще до начала, если пожелает, но бал – дело решенное, и как только земля достаточно промерзнет и число неприличностей пойдет на убыль, я разошлю всем приглашения.

– Мне гораздо больше нравится посещать балы, – ответила она, – чем давать их самой. А уж мистер Дарси и бал – не могу представить, каково это.

– Да уж, – сказал Дарси, – вы точно не знаете, как это – мистер Дарси и бал.

Элизабет покраснела и едва сдержала улыбку, скандализованная таким нарушением приличий и все же немного впечатленная тем, что Дарси вообще осмелился их нарушить. Мисс Бингли, не расслышав двусмысленности, ничего не ответила и вскоре встала и принялась ходить по комнате. Выглядела она изысканно и прохаживалась весьма изящно, однако Дарси, ради которого все это и было затеяно, по-прежнему не отрывал глаз от книги. В отчаянии она прибегла еще к одной уловке и, повернувшись к Элизабет, сказала:

– Мисс Элиза Беннет, позвольте мне убедить вас последовать моему примеру и пройти по комнате. Уверяю вас, после долгого сидения на одном месте это очень бодрит.

Элизабет не нуждалась в подобном упражнении – однажды ей было приказано стоять шесть дней на руках под палящим пекинским солнцем, – но тотчас же согласилась и встала. Истинная цель маневров мисс Бингли тоже была достигнута – Дарси взглянул на них и невольно закрыл книгу. Его немедленно позвали присоединиться к ним, но он отказался, заметив, что он мог вообразить лишь две причины, которые могли побудить их вместе прогуливаться по гостиной, и в обоих случаях, войдя в их компанию, он лишь огорчится. “Что бы это значило?” Мисс Бингли сторала от желания узнать, что он имел в виду, и спросила Элизабет, понятно ли ей хоть что-нибудь.

– Ровным счетом ничего, – ответила она, – но поверьте моему слову, он намеревается отчитать нас, и если мы хотим расстроить его планы, то лучше ни о чем его не спрашивать.

Но мисс Бингли не обладала такой выдержкой и продолжила настойчиво допытываться, о каких двух причинах говорил мистер Дарси.

– Что ж, охотно поясню, – сказал он. – Вы избрали подобное времяпрепровождение либо потому, что не можете усидеть на одном месте, либо вы убеждены, что ваши фигуры выглядят наиболее выгодно, когда вы прохаживаетесь. В первом случае вы просто глупые девицы, не заслуживающие никакого внимания, во втором же – я могу насладиться видом и не сходя с места. Кстати, огонь в камине освещает ваши платья так, что силуэты получаются весьма откровенными.

– О! Возмутительно! – вскричала мисс Бингли, отпрянув от камина. – В жизни не слышала ничего более гадкого! Какое же наказание мы ему придумаем за такие слова?

– У меня есть несколько предложений, – сказала Элизабет, – но, боюсь, ни одно из них не встретит одобрения у собравшегося общества. Быть может, вам, как его давней знакомой, известно о каких-нибудь его слабостях?

– Честное слово, мне ничего не известно. Уверяю вас, такого мне наше знакомство не открыло. Мистер Дарси обладает удивительной выдержкой, самообладанием и очень храбр в бою.

– Да, но не прибавить ли нам к этому тщеславие и гордость?

– Да, тщеславие – это и впрямь недостаток, – согласилась мисс Бингли, – но вот гордость – там, где есть подлинное превосходство ума, гордость никогда не одержит верх.

Элизабет отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

– Полагаю, вы закончили исследовать характер мистера Дарси? – осведомилась мисс Бингли. – И каков же ваш вердикт?

– Я совершенно убеждена, что у мистера Дарси нет ни единого недостатка.

– Отнюдь, – сказал Дарси, – изъянов у меня много, но все они, смею надеяться, не затрагивают мой ум. Однако я не могу ручаться за свой нрав. Я отнял не одну жизнь за оскорбления, которые многим бы показались сущими пустяками.

– Это и впрямь недостаток! – воскликнула Элизабет. – Но с ним вы угадали, поскольку мне он тоже присущ. Я живу в соответствии с кодексом воина и с радостью убью, если будет задета моя честь. Так что тут вам нечего меня бояться.

– Я полагаю, что каждому человеку свойственна склонность к тому или иному пороку – это естественный недостаток, которого не исправить никаким воспитанием.

– И ваш недостаток – всех презирать?

– А ваш, – ответил он с улыбкой, – понимать всех превратно.

– Давайте же послушаем музыку! – воскликнула мисс Бингли, утомившись от разговора, в котором она не принимала участия. – Луиза, ты не возражаешь, если я разбужу мистера Херста?

Ее сестра не имела ничего против, и фортепиано было открыто. Дарси не жалел, что их разговор прервали. Он начал задумываться о том, что довольно опасно уделять Элизабет столько внимания.

Глава 12

Обсудив все с Джейн, Элизабет на следующее утро написала матери с просьбой днем прислать за ними коляску. Но миссис Беннет рассчитывала, что ее дочери пробудут в Незерфилде до вторника и таким образом Джейн проживет там целую неделю, а потому не очень-то желала увидеть их раньше. Ответное письмо было удручающим. Миссис Беннет писала, что никак не может прислать коляску раньше вторника, потому что ее серьезно изрешетило мушкетными пулями во время стычки между солдатами и небольшой группой пораженных недугом неподалеку от военного лагеря в Меритоне.

Отчасти это было правдой – в нее действительно рикошетом попало несколько пуль, когда Кэтрин и Лидия брали коляску, чтобы навестить офицеров, но нанесенный урон был не столь серьезен, как описывала миссис Беннет. В конце она приписала, что если мистер Бингли и его сестры будут уговаривать ее дочерей погостить подольше, то дома она вполне может без них обойтись. Однако, не желая еще дольше задерживаться в Незерфилде, Элизабет уговорила Джейн одолжить экипаж у мистера Бингли, и наконец было решено: им следует сообщить о том, что они намереваются уехать этим же утром, и попросить коляску.

Просьба эта вызвала множество огорченных восклицаний, и все наперебой принялись уговаривать их остаться хотя бы еще на день, чтобы земля промерзла посильнее, поэтому сестры отложили отъезд до следующего утра. Мисс Бингли была страшно раздосадована, что предложила им задержаться, поскольку ее ревность и неприязнь к Элизабет оказались сильнее ее теплых чувств к Джейн.

Мистер Бингли был искренне опечален их скорым отъездом и беспрестанно пытался доказать мисс Беннет, что путешествие будет для нее небезопасным, ведь она еще недостаточно окрепла, чтобы сражаться, если на обратном пути им случится попасть в беду. Но Джейн напомнила ему, что вряд ли во всей Англии найдется кто-нибудь, кто сумеет постоять за нее лучше, чем Элизабет.

Мистер Дарси был рад их отъезду – Элизабет достаточно пробыла в Незерфилде. Она привлекала его больше, чем он сам того хотел, да и мисс Бингли держалась с ней неприветливо и его самого дразнила чаще обычного. Он решил, что отныне не станет выказывать никакого интереса к Элизабет, и, верный своему решению, за всю субботу не сказал ей и десятка слов; хотя однажды им довелось побыть наедине целых полчаса, он все это время сосредоточенно читал и ни разу даже не взглянул на нее.

Расставание наступило в воскресенье, сразу после утренней службы. Перед отъездом любезность мисс Бингли по отношению к Элизабет, равно как и ее нежная привязанность к Джейн, необычайно возросли, и, ласково обняв Джейн на прощание и заверив ее, что она всегда будет рада встрече с ней – в Лонгборне или Незерфилде, мисс Бингли даже смогла пожать руку ее сестре. Элизабет распрощалась со всем обществом в весьма приподнятом настроении.

Поездка до Лонгборна в целом выдалась благоприятной, за исключением краткой встречи с группой ребятишек-зомби, несомненно из сиротского приюта миссис Бичман, который недавно сразило недугом вместе со всем приходом Святого Фомы. Кучер мистера Бингли, завидев маленьких дьяволят, грызущих зачерствевшие под солнцем тела на близлежащем поле, не смог сдержать своих чувств, и его стошнило в шейный платок. Элизабет держала мушкет наготове, но им повезло, и мерзкие дети не заметили их экипажа.

Дома их ждал далеко не сердечный прием. Миссис Беннет сочла, что они доставили всем слишком много хлопот и теперь Джейн непременно заболит снова. Ее недовольство еще более возросло при виде рвоты на шейном платке кучера – верный знак того, что по пути

им повстречались неприличности. Зато отец был искренне рад их видеть, поскольку вечерние боевые упражнения в отсутствие Джейн и Элизабет проходили не столь оживленно.

Мэри, по своему обыкновению, была погружена в изучение человеческой природы, но Кэтрин и Лидия припасли для них новостей иного рода. С прошлой среды офицеры столько всего сделали и столько всего сказали – некоторые из них недавно ужинали с их дядюшкой, одного рядового высекли за то, что он вступил в богомерзкие сношения с обезглавленным трупом, а еще ходили слухи о том, что полковник Форстер собрался жениться.

Глава 13

– Надеюсь, дорогая, – сказал мистер Беннет своей жене на следующее утро за завтраком, – что вы нынче распорядились заказать отменный обед, поскольку у меня есть причины полагать, что к нашему семейному столу пожалует гость.

– О ком вы говорите, дорогой друг? Я ни о чем таком и не слышала, разве что Шарлотта Лукас заглянет, а для нее мои обеды и так достаточно хороши, поскольку она незамужняя девица двадцати семи лет, и что ей остается, кроме как запивать сухую корку хлеба из чаши одиночества.

– Гость, о котором я говорю, джентльмен и не из местного общества.

У миссис Беннет загорелись глаза.

– Джентльмен и не из местных? Уверена, это мистер Бингли! Ах, как я рада буду увидеть мистера Бингли! Но... О боже правый, какая досада! Сегодня к столу совсем не подадут рыбы! Лидия, душенька, позвони – я немедленно должна переговорить с Хилл!

– Это вовсе не мистер Бингли, безмозглая вы трещотка, – сказал ее супруг. – Этого джентльмена я никогда ранее не видел.

Достаточно позабавившись их любопытством, он объяснил:

– Около месяца назад я получил вот это письмо и через две недели написал ответ. Письмо это от моего кузена, мистера Коллинза, который после моей смерти может, если пожелает, выставить вас всех из этого дома.

– О, друг мой! – воскликнула его жена. – Молю вас, даже не упоминайте об этом отвратительном человеке! Нет ничего ужаснее, чем знать, что твои родные дети останутся без им же принадлежащего имущества!

Джейн и Элизабет попытались объяснить ей, что все пятеро вполне смогут прокормить себя и даже неплохо заработать, если станут телохранителями, наемными убийцами или, если на то пошло, запишутся в армию. Но всякий раз, когда речь заходила об этом предмете, миссис Беннет не желала внимать голосу разума и продолжала горько сетовать на несправедливость того, что имение не достанется ее дочерям, а отойдет человеку, о котором никто и знать не желает.

– Воистину это чудовищная несправедливость, – сказал мистер Беннет, – и мистеру Коллинзу ничем не искупить своей вины в наследовании Лонгборна. Но быть может, вы немного смягчитесь, услышав, в каком тоне выдержано его послание.

Хансфорд, близ Уэстерхема, Кент, 15 октября

Дорогой сэ,

Разногласия, существовавшие между вами и моим ныне покойным почтенным батюшкой, всегда доставляли мне множество огорчений. Он, как и вы, был величайшим воином, и я знаю, что он с теплотой вспоминал те дни, когда вы сражались с ним бок о бок, а неведомый недуг казался лишь временным неудобством. Со дня его кончины я не раз подумывал о том, чтобы перешагнуть разделяющую нас пропасть, но меня удерживали сомнения в том, не будет ли неуважением к отцовской памяти возобновлять добрые отношения с тем, кого он однажды поклялся кастрировать. Однако же ныне я совершенно утвердился в своем решении, поскольку после того, как я принял сан, мне посчастливилось оказаться под покровительством достопочтенной леди Кэтрин де Бэр...

– Боже правый! – воскликнула Элизабет. – Да он работает на леди Кэтрин!

– Позволь мне закончить, – сурово произнес ее отец.

...с которой вряд ли кто сравнится в умении владеть мечом и мушкетом и которая сразила больше неприличностей, чем любая воительница. Как священник я полагаю своим долгом приносить и водворять благословенный мир во все семейства. Если мой визит не встретит у вас возражений, то я буду иметь удовольствие прибыть в ваш дом в понедельник, восемнадцатого ноября, в четыре часа пополудни и смиренно рассчитываю, что вы приютите меня до следующей субботы.

Передаю мои наилучшие пожелания вашей супруге и дочерям и засим остаюсь, ваш доброжелатель и друг

Уильям Коллинз

– Посему в четыре часа нам следует ожидать этого посланца мира, – сказал мистер Беннет, складывая письмо. – Кажется, он весьма щепетильный и благовоспитанный юноша и, несомненно, станет полезным знакомством, особенно если учесть его отношения с леди Кэтрин.

Мистер Коллинз прибыл точно в указанное время, и вся семья встретила его с чрезвычайной любезностью. Мистер Беннет, впрочем, больше молчал, но дамы были не прочь поговорить, да и самого мистера Коллинза отнюдь не нужно было побуждать к разговору. Он был жирным коротышкой двадцати пяти лет от роду. Вид у него был степенный и напыщенный, а манеры – весьма церемонные. Едва войдя в дом, он отвесил комплимент миссис Беннет, похвалив ее прекрасных дочерей, и сказал, что был наслышан об их красоте, но в данном случае действительность превзошла все ожидания, и прибавил еще, что с нетерпением жаждет лицезреть их легендарные боевые навыки.

– Вы очень добры, но мне все же было бы отраднее видеть их при мужьях, чем при мушкетах, иначе положение их выйдет совсем отчаянным. Все складывается так нелепо!..

– Полагаю, вы имеете в виду майорат?

– Ах, сэр, конечно же! Сами посудите, это такое несчастье для моих девочек.

– Сударыня, я искренне соперничаю моим прелестным кузинам, которые оказались в столь бедственном положении, и мне есть что прибавить по этому поводу, но я боюсь поступить опрометчиво и показаться бесцеремонным. Но могу уверить барышень, что я уже ехал сюда, будучи искренне к ним расположенным. Об остальном позвольте пока умолчать, но, быть может, когда наше знакомство станет более близким...

Однако тут прозвонили к обеду, и сестры обменялись между собой улыбками. Но не им одним досталось восхищение мистера Коллинза. Он внимательно осмотрел и расхвалил каждый предмет обстановки – и в холле, и в столовой, и его восторги, несомненно, тронули бы миссис Беннет, кабы ее не терзало подозрение, что он глядит на все как на свою будущую собственность. Обед тоже получил у него наивысшую оценку, и он жаждал узнать, кулинарным талантам которой из своих кузин он обязан доставленным ему удовольствием.

На мгновение позабыв о манерах, Мэри схватила вилку и молнией взлетела на стол. Сидевшей рядом с ней Лидии удалось ухватить ее за лодыжку до того, как она успела наброситься на мистера Коллинза и, вероятнее всего, исколоть ему голову и шею за такое оскорбление. Джейн и Элизабет пришлось отвернуться, чтобы мистер Коллинз не заметил их смеха.

Миссис Беннет холодно уведомила его, что им вполне по средствам держать хорошую кухарку и что ее дочери не отвлекаются на кухонные дела, поскольку слишком заняты боевыми упражнениями. Он попросил прощения за то, что вызвал неудовольствие Мэри. Смягчившись, она объявила, что вовсе не обижена, но мистер Коллинз продолжал рассыпаться в извинениях еще добрую четверть часа.

Глава 14

За обедом мистер Беннет не произнес и двух слов, но когда слуги закончили убирать со стола, он решил, что пора и ему поговорить с гостем, и, заметив, что мистеру Коллинзу необычайно повезло с покровительницей, начал беседу, в которой, по его мнению, тот должен был проявить все свое красноречие. Леди Кэтрин де Бэр была не только одним из самых богатых, но и одним из самых воинственных вассалов короля. Лучше темы мистер Беннет избрать не мог. Мистер Коллинз принялся многословно восхвалять ее, утверждая, что ни разу в жизни не встречал такой выдержки у столь высокогородной персоны. Многие считали леди Кэтрин особой не в меру гордой, но он никогда не замечал ничего иного, кроме выдающегося призвания к умерщвлению зомби. С ним она всегда обращалась так же, как и с любым другим джентльменом, позволяла ему посещать свои боевые занятия и отлучаться на пару недель, чтобы нанести визит родственникам. Она даже посоветовала ему как можно скорее обзавестись женой, при условии, что он сделает благоразумный выбор.

– Я уже давно мечтаю поглядеть на леди Кэтрин в бою, – сказала Элизабет. – Она живет поблизости от вас, сэр?

– Сад, в котором расположилось мое скромное пристанище, лишь небольшой аллеей отделен от Розингс-парка, резиденции ее светлости.

– Кажется, сэр, вы упомянули, что она вдова? Есть ли у нее дети?

– У нее есть только одна дочь, наследница Розингса и внушительного состояния.

– Ох, – сказала миссис Беннет, покачивая головой, – тут она оказалась удачливее многих других девиц. А какова она из себя? Красива ли?

– Это поистине очаровательная юная леди. Сама леди Кэтрин утверждает, что истинной красотой мисс де Бэр способна затмить признанных красавиц, потому что черты ее лица сразу выдают в ней девицу высокого происхождения. К несчастью, она слабой конституции, что помешало ей последовать примеру матери и преуспеть в боевых искусствах. Боюсь, она едва может поднять саблю, не говоря уже о том, чтобы управляться с ней так же мастерски, как это делает ее светлость.

– Она представлена ко двору? Я что-то не припомню ее имени среди прочих придворных дам.

– Хрупкое здоровье препятствует ее поездкам в столицу, и, как я однажды заметил леди Кэтрин, по этой причине английский двор лишен своего самого изысканного украшения. Представьте мою радость всякий раз, когда мне удается присовокупить к беседе изящное выражение такого рода, которые особенно уместны в разговорах с дамами.

– Весьма здравое рассуждение, – заметил мистер Беннет. – Однако позвольте поинтересоваться, подобные любезности вызваны сиюминутным побуждением или готовятся вами заблаговременно?

– Чаще всего они рождаются под влиянием момента, однако иногда я забавляюсь тем, что обдумываю и подготавливаю небольшие элегантно-сти, которые можно употребить при случае, но всегда стараюсь придать им форму импровизации.

Ожидания мистера Беннета полностью оправдались. Его кузен был поистине смехотворным созданием, и мистер Беннет искренне развлекался, слушая его речи, однако сохранял при этом самое невозмутимое выражение лица.

Когда все откушали чаю, мистер Беннет любезно предложил ему прочесть дамам что-нибудь вслух. Мистер Коллинз с готовностью согласился, однако же, взглянув на принесенную книгу (а все в ней свидетельствовало о том, что она взята из циркулирующей библиотеки), он отпрянул назад и с извинениями объявил, что никогда не читает романов. Китти уставилась на него, а Лидия ахнула от удивления. Из прочих же книг мистер Коллинз

по некотором размышлении выбрал проповеди Фордайса². Стоило ему открыть книгу, как Лидия зевнула, а не успел он с унылой торжественностью прочесть и трех страниц, она прервала его:

– Известно ли вам, маменька, что дядюшка Филипс сказал, будто полковнику Форстеру на подмогу пришлют еще один батальон? И сама тетушка сказала мне то же самое в субботу. Завтра я отправлюсь в Меритон, чтобы вызнать поболее, если, конечно, кто-то из сестер захочет пойти со мной.

Две старшие сестры велели Лидии придержать язык, но оскорбленный до глубины души мистер Коллинз отложил книгу со словами:

– Мне часто приходится наблюдать, сколь мало юные леди интересуются серьезными сочинениями. Не стану более докучать моей юной кузине.

И, поворотившись к мистеру Беннету, предложил тому сыграть в триктрак. Мистер Беннет согласился, заметив, что тот поступил мудро, предоставив девиц привычным им пустячным развлечениям. Миссис Беннет и ее дочери извинились за поведение Лидии, за которое, по словам миссис Беннет, у мастера Лю она получила бы десять ударов влажной бамбуковой плетью. Они пообещали, что подобное больше не повторится, если он вернется к чтению, но мистер Коллинз, уверив их, что не держит зла на свою кузину и что ее поступок вовсе не оскорбил его, уселся напротив мистера Беннета и приготовился сразиться в триктрак.

² «Проповеди, обращенные к молодой женщине» (1765) – сборник нравоучительных проповедей пресвитерианского богослова Джеймса Фордайса.

Глава 15

Мистер Коллинз не был разумным человеком, и этот недостаток его природы почти не выправился под воздействием общества или образования. Большую часть его жизни им руководил отец, человек хоть и отважный, но невежественный, а обучаясь в университете, он заслужил лишь презрение своих однокашников за то, что уж слишком не рвался в бой. Строгое подчинение, в котором его растил отец, способствовало тому, что он узнал многое о боевых искусствах, но применить их ему мешали глупость, тучное тело, а теперь еще и могущественное покровительство. Ему посчастливилось быть представленным леди Кэтрин де Бэр, которой пришлось обезглавить предыдущего приходского священника, когда тот пал жертвою живых мертвецов.

Теперь же, обзаведясь хорошим домом и приличным доходом, он намеревался жениться и примириться таким образом с лонгборнским семейством, так как хотел избрать женой одну из своих кузин, если те и вправду окажутся столь обходительны и хороши собой, как утверждала молва. Так он замыслил загладить – или даже искупить – свою вину в наследовании поместья их отца, и замысел этот он полагал отменным выходом из сложившегося положения и чрезвычайно щедрым поступком со своей стороны.

Замысел этот не поменялся и после знакомства. Хорошенькое личико и поразительные мускулы старшей дочери утвердили его в первоначальном намерении, и уже в первый вечер он назначил ее своей избранницей. Но утро внесло некоторые поправки. Оставшись перед завтраком на четверть часа тет-а-тет с миссис Беннет, мистер Коллинз завел разговор о своем приходском доме и, наконец, выразил надежду, что хозяйка этого дома, возможно, отыщется в Лонгборне. Миссис Беннет, всячески приветствуя это намерение и одобрительно улыбаясь, однако же посоветовала ему не увлекаться именно той дочерью, на которой он было остановил свой выбор. Что до младших девочек – разумеется, поручиться она не может, но все же думает, что тут никаких препятствий не возникнет. Но вот ее старшая дочь – и об этом стоит упомянуть, да что там, она просто обязана сказать: вероятно, Джейн очень скоро обручится.

Разумеется, его внимание тотчас же переместилось на Элизабет, которая возрастом и красотой лишь немного уступала Джейн, а в боевой подготовке пожалуй что и превосходила ее. Миссис Беннет с радостью ухватилась за его намеки и уверилась, что вскоре выдаст замуж сразу двух дочерей – теперь человек, о котором она еще вчера и слышать ничего не желала, стал ей необычайно мил.

Лидия по-прежнему желала отправиться в Меритон, и все сестры, кроме Мэри, вызвались сопровождать ее, желая, чтобы она добралась туда живой. С ними отправился и мистер Коллинз – по просьбе мистера Беннета, который уже давно мечтал избавиться от него и вновь заполнить библиотеку в свое полное распоряжение.

Мистер Коллинз постарался извлечь все выгоды из прогулки, ни на шаг не отходя от Элизабет, которая внимательно оглядывала окрестности, готовясь при первой же опасности отразить ее с помощью своей Браун Бесс³. Джейн и остальные сестры следовали за нею, тоже держа мушкеты наготове. Мистер Коллинз, полагая себя человеком мирным, не имел при себе ни клинка, ни ружья и беззаботно попыхивал своей трубкой из каштанового дерева и слоновой кости. “Подарок ее светлости”, – хвастался он при каждой возможности.

Миновав старые поля для крокета, они не прошли и четверти мили, как Элизабет учуяла запах смерти. Увидев, как она напряженно замерла на месте, ее сестры вскинули мушкеты и сомкнули ряды, готовясь отразить нападение с любой стороны.

³ *Браун Бесс* (Коричневая Бесс, первое название более употребимо) – просторечное название старинного английского мушкета, в английской армии введено с 1730-х годов.

– Что... что-то случилось? – Мистер Коллинз вдруг переменялся в лице так, будто готов был сомлеть.

Элизабет прижала палец к губам и знаками велела сестрам следовать за ней. Она повела их по каретной колее и ступала так легко, что не потревожила ни одной песчинки на земле. Колея тянулась несколько ярдов, после чего резко уходила в заросли поломанного кустарника – именно тут колеса накренились, и экипаж сорвался в глубокий овраг рядом с дорогой. Элизабет заглянула в овраг. Внизу, ярдах в двадцати от них, восемь или девять окровавленных зомби копошились около разбитой повозки и прохудившихся бочек. Почти все они торопливо доедали внутренности лошади, но один особенно удачливый зомби выскребал последние остатки мозга из разбитого черепа возницы – юной девушки, которую сестры узнали сразу.

– Боже правый! – прошептала Джейн. – Пенни Макгрегор! О, бедная, несчастная девочка! Как часто мы предупреждали ее не ездить в одиночку!

Пенни Макгрегор доставляла масло для ламп в Лонгборн и во все поместья на тридцать миль вокруг с тех самых пор, как научилась говорить и ходить. Макгрегоры держали скромное хозяйство неподалеку от столицы, и туда им ежедневно подвозили телеги с ворванью, которую они перерабатывали как в масло для ламп, так и в утонченные благовония. Вокруг стояло невыносимое зловоние, но в их товарах была огромная нужда, и поэтому Макгрегоры входили в число приятнейших обитателей Хартфордшира.

– Боже, пощади это злосчастное дитя! – сказал подошедший к ним мистер Коллинз.

– Может, просто пойдем дальше? – спросила Лидия. – Ей уже не помочь. И потом, подумайте, во что только превратятся наши платья, если нам придется лезть в этот гадкий овраг.

Пока Джейн ужасалась подобному предложению, а Китти горячо поддерживала Лидию, Элизабет выдернула трубку изо рта мистера Коллинза, дунула на угольки и бросила ее в овраг.

– Это же подарок ее светлости! – воскликнул он так громко, что привлек внимание зомби. Они взглянули наверх и разразились ужасающим ревом, который был прерван грохотом мощного взрыва, когда трубка подожгла масло. Охваченные пламенем зомби, шатаясь, размахивали руками и вопили, поджариваясь в огне. Джейн вскинула свою Браун Бесс, но Элизабет отвела ее мушкет в сторону.

– Пусть горят, – сказала она. – Пусть почувствуют, каково им придется в аду.

Повернувшись к мистеру Коллинзу, который отвел взгляд в сторону, она добавила:

– Сами видите, мистер Коллинз, – Бог никого не щадит. И нам этого делать не следует.

Мистера Коллинза задело это кощунственное высказывание, но он решил, что лучше будет промолчать, поскольку в глазах Элизабет он увидел тьму и пустоту – как будто бы ее душа на время покинула тело, чтобы участие и сострадание случайно ей не помешали.

Зайдя по пути к Макгрегорам, чтобы сообщить им печальные новости, сестры наконец добрались до Меритона, и младшие сразу принялись глядеть во все стороны в поисках офицеров, так что отвлечь их от этого занятия могли разве что роскошная шляпка или завывания живых мертвецов.

Но вскоре взгляды всех барышень устремились к молодому человеку весьма благородной наружности, которого они ранее не встречали. Он шел по противоположной стороне улицы вместе с другим офицером, мистером Дэнни, который был знаком с Лидией и поклонился ей, когда они проходили мимо.

Незнакомец произвел на всех впечатление – все терялись в догадках о том, кто бы это мог быть. Китти и Лидия, полные решимости все выведать, поспешили на другую сторону улицы, притворившись, что идут в лавку напротив и по счастливой случайности ступили на тротуар ровно тогда, когда там проходили возвращавшиеся назад джентльмены. Мистер

Дэнни заговорил с ними и испросил разрешения представить им своего друга, мистера Уикэма, который только вчера приехал вместе с ним из столицы и – мистер Дэнни весьма рад это сообщить – зачислен в их полк. Впрочем, иного и быть не могло – для полной неотразимости юноше недоставало лишь офицерского мундира. Все в его облике располагало к нему, всем он был прекрасен – и лицом, и фигурой, и манерами. Представившись, он сразу обнаружил счастливый талант с легкостью вести беседу, причем легкость эта была безыскусной и не переходила в назойливость. И таким образом все они премило болтали, пока их внимание не привлек стук копыт – по улице ехали верхом Дарси и Бингли. Завидев барышень, они сразу направились к ним и засвидетельствовали свое почтение. Говорил в основном Бингли, и в основном – с мисс Беннет. Он сказал, что как раз направлялся в Лонгборн, чтобы справиться о ее здоровье. Мистер Дарси кивком подтвердил его слова и уже совсем было решился не смотреть более на Элизабет, как его взгляд внезапно упал на незнакомца.

Никто, кроме Элизабет с ее орлиным взором, не сумел бы заметить, как они оба изменились в лице, завидев друг друга. Один побледнел, другой покраснел. Спустя мгновение мистер Уикэм коснулся своей шляпы – приветствие это мистер Дарси едва удостоил ответом. Мимолетное подрагивание правой руки Дарси подсказало Элизабет, что он даже подумывал обнажить клинок. Что все это могло означать? Но уже через несколько минут мистер Бингли распрощался со всеми и, кажется решительно ничего не заметив, уехал вместе со своим другом.

Мистер Дэнни и мистер Уикэм сопроводили дам до дверей дома миссис Филипс и там откланялись, несмотря на то что мисс Лидия настойчиво уговаривала их зайти, а миссис Филипс, высунувшись из окна, еще более настойчиво ей вторила.

Миссис Филипс всегда была рада племянницам, а старших, после их долгого отсутствия, она приветствовала особенно горячо. Поприветствовать ей пришлось и мистера Коллинза, которого ей представила Джейн. Миссис Филипс рассыпалась перед ним в любезностях, и мистер Коллинз не отставал от нее, поминутно извиняясь за то, что вторгся к ней в дом, не будучи заранее ей представленным. Такой избыток хорошего воспитания вызвал у миссис Филипс благоговейный трепет, но от одного незнакомца ее тотчас же отвлекли бурными расспросами о втором, однако тут она могла лишь повторить своим племянницам то, что им и так уже было известно. Мистер Дэнни приехал вместе с ним из Лондона, и он должен был поступить лейтенантом в полк, ныне расквартированный к северу отсюда.

Миссис Филипс сообщила, что целый час следила за тем, как он прохаживался по улице, и если бы мистер Уикэм появился там снова, Китти и Лидия, несомненно, продолжили бы наблюдение, но, к несчастью, мимо их окон прошли лишь несколько офицеров, которые в сравнении с Уикэмом были объявлены “глупыми и неотесанными”. Некоторые из этих офицеров назавтра были приглашены на обед к Филипсам, и миссис Филипс дала слово, что ее муж непременно нанесет визит Уикэму и пригласит и его, если их родственники из Лонгборна тоже пожалуют к ним вечером. На том они и условились, и тетушка пообещала, что их ждет легкий ужин и шумная милая игра в “Склеп и Саркофаг”. При мысли о столь заманчивых развлечениях все чрезвычайно оживилось и распространилось друг с другом в самом прекрасном расположении духа.

По пути домой Элизабет пересказала Джейн, что произошло между двумя джентльменами, и хотя Джейн с готовностью бросилась бы на защиту любого из них или их обоих, будь они в чем-то неправы, она, как и ее сестра, не смогла найти никакого объяснения происшедшему.

Глава 16

Поскольку намерение девиц отправиться в гости к тетушке возражений не встретило, коляска в назначенный час доставила мистера Коллинза и его пятерых кузин в Меритон.

Когда они проезжали крокетные поля и выгоревшую рощицу, в которой находилось последнее пристанище Пенни Макгрегор, беззаботная беседа, которую они вели, резко оборвалась: все шестеро не могли думать ни о чем, кроме известий, которые утром добрались до Лонгборна. Отец Пенни, обезумев от горя, бросился в чан с кипящими ароматическими маслами. Подмастерья успели вытащить его живым, но он был сильно обезображен и потерял зрение. Доктора сомневались, что ему удастся выжить или избавиться от запаха.

До самых окраин Меритона все пребывали в почтительном молчании.

Приехав к Филипсам, мистер Коллинз наконец мог сколько угодно все разглядывать и нахваливать. По его словам, размеры дома и обстановка настолько поразили его, что он будто бы оказался в одной из гостиных леди Кэтрин. Миссис Филипс сразу прочувствовала всю лестность этого комплимента, будучи наслышанной о подвигах леди Кэтрин в сражениях с пораженными недугом, которые, она смела думать, во много раз превосходили успехи ее племянниц.

Принявшись описывать миссис Филипс все величие леди Кэтрин и ее поместья, недавние усовершенствования коих включали в себя огромный додзё⁴ и новые комнаты для ее личных охранников-ниндзя, мистер Коллинз предавался этому приятному занятию до самого прихода джентльменов. В лице миссис Филипс он обрел чрезвычайно внимательного слушателя, чье мнение о мистере Коллинзе возрастало с каждым его словом, и ей не терпелось поскорее поделиться услышанным с соседями. Девицам, которые, слушая кузена, не могли не обдумывать бесчисленные способы его убийства, ожидание показалось весьма долгим. Но наконец оно было кончено.

Появились джентльмены, и стоило мистеру Уикэму войти в комнату, Элизабет почувствовала себя так, будто ее оглушили ударом ноги с разворота. Он оказал на нее такое воздействие, что, несмотря на всю ее боевую выучку, слабые стороны ее пола сдались его чарам. Офицеры в большинстве своем были людьми достойными и благородными, но мистер Уикэм настолько же превосходил их внешностью, фигурой, манерами и походкой, насколько сами они отличались от нудного и простоватого дядюшки Филипса, который вошел вместе с ними, распространяя вокруг себя стойкий запах портвейна.

Мистер Уикэм оказался тем счастливецом, на которого были обращены почти все женские взоры, а Элизабет – счастливицей, рядом с которой он в итоге уселся. То, с какой непринужденностью он сразу завел с ней беседу, хоть предметом ее являлся всего-навсего дождливый вечер, навело ее на мысль, что самая избитая, скучная и приевшаяся тема может стать интересной в изложении искусного собеседника.

Поскольку за то, чтобы привлечь внимание прекрасных дам, соперничали такие противники, как мистер Уикэм и офицеры, мистера Коллинза, казалось, и вовсе перестали замечать. Для барышень он, разумеется, был пустым местом, но время от времени он вновь находил участливого слушателя в лице миссис Филипс и благодаря ее предупредительности был в избытке снабжен кофе и булочками. Когда вынесли карточные столы, он смог отплатить ей за любезность, согласившись сыграть в “Склеп и Саркофаг”.

Мистер Уикэм не играл в “Склеп и Саркофаг” и был встречен с восторгом за другим столом, где он выбрал место между Элизабет и Лидией. Поначалу, казалось, возникла опасность, что им всецело завладеет чрезвычайно словоохотливая Лидия, однако игра интересо-

⁴ Додзё – зал для тренировок и медитации.

вала ее не меньше, и вскоре она была ею полностью поглощена, с нетерпением ожидая, будут ли склепы игроков зловеще пустыми или их саркофаги окажутся удачно заполненными. Поэтому мистер Уикэм смог, насколько позволяла игра, беседовать с Элизабет, и она охотно его слушала, хотя и не надеялась услышать то, что представляло для нее главный интерес, – историю его знакомства с мистером Дарси, и не смела даже упомянуть этого джентльмена. Однако ее любопытство было совершенно неожиданно удовлетворено. Мистер Уикэм сам об этом заговорил. Вначале он осведомился, далеко ли от Меритона до Незерфилда, и, получив ответ, несколько неуверенно спросил, как долго там гостит мистер Дарси.

– Около месяца, – ответила Элизабет. – Я слышала, он совершил множество боевых подвигов.

– Да, – сказал мистер Уикэм, – его воинские таланты выше всяческих похвал. Вряд ли кто-то другой сможет высказаться на этот счет с большей точностью, ведь я был особым образом связан с его семьей с самого рождения.

Элизабет не смогла скрыть своего изумления.

– Ваше удивление вполне понятно, мисс Беннет, ведь от вашего зоркого взгляда наверняка не ускользнуло то, как холодно мы вчера с ним встретились. Хорошо ли вы знаете мистера Дарси?

– Более, чем мне того хотелось бы! – с чувством воскликнула Элизабет. – Я провела четыре дня с ним в одном доме и считаю его крайне неприятным человеком.

– Я не вправе выражать мнений, – сказал Уикэм, – по поводу того, приятный ли он человек или нет. Я не считаю это для себя возможным. Я слишком долго знаю его, чтобы судить о нем беспристрастно, и не смогу удержаться от предвзятости. Но я полагаю, что такое ваше суждение о нем вызовет всеобщее удивление, и, возможно, вы не стали бы высказываться столь решительно еще где-нибудь, кроме самого близкого круга.

– Право слово, я не сказала ничего, что не могла бы повторить в любом местном доме, за исключением Незерфилда. Мистера Дарси вовсе не любят в Хартфордшире. Всех отталкивает его гордость. Надеюсь, его присутствие здесь не скажется на ваших планах поступить в ***ширский полк?

– О, мне ли бежать от мистера Дарси! Это он должен уехать, если не желает меня видеть. Мы не друзья с ним, и хотя наши встречи всегда меня удручают, у меня нет причин избегать его. В конце концов, мы с ним оба воины, и для воина низко – прятаться, едва завидев противника. Его отец, мисс Беннет, покойный мистер Дарси, был одним из лучших истребителей зомби на свете и самым близким моим другом. Стоит мне оказаться в обществе мистера Дарси, как меня охватывают тысячи нежнейших воспоминаний. Ко мне мистер Дарси отнесся самым возмутительным образом, но я полагаю, что смог бы простить ему все, если б только он не обманул надежд и не омрачил память своего батюшки.

Элизабет сочла, что их разговор становится весьма занимательным, и слушала, затаив дыхание, однако деликатность темы не позволяла дальнейших расспросов.

Мистер Уикэм перешел к предметам более общего характера. Меритон, окрестности, местное общество – обо всем, что ему довелось увидеть, он отзывался очень высоко, за исключением, разумеется, возросшего количества неприличностей, что, несомненно, стало последствием падения Манчестера.

– Я не искал военной карьеры, но обстоятельства вынудили меня избрать этот путь, впрочем, как и многих, кто желал бы по-другому распорядиться своей жизнью. Моим призванием всегда была церковь, меня готовили к принятию сана, и мне достался бы хороший приход, если бы это устроило джентльмена, о котором мы недавно говорили.

– Вот как!

– Да. Покойный мистер Дарси пообещал мне должность в одном из своих лучших приходов, когда она освободится. Он был моим крестным отцом и очень тепло ко мне относился.

И передать не могу, насколько он был ко мне добр. Он желал устроить мою жизнь и намеревался позаботиться об этом, но когда он пал во Второй битве при Кенте, приход был отдан другому.

– Боже правый! – воскликнула Элизабет. – Как такое возможно?! Как можно было пренебречь волей отца? Почему вы не решились отстаивать свои права по закону?

– Это не было строго оговорено в завещании, и у меня не было никакой надежды выиграть дело в суде. Человек чести, разумеется, не усомнился бы в воле покойного, но мистер Дарси решил выказать сомнения и счесть это лишь случайным пожеланием, заявив, что я утратил все права на наследство из-за своей расточительности, безрассудства, да всего, чего угодно, то бишь не из-за чего. Все дело в том, что мы с ним совершенно разные люди и он меня ненавидит.

– Как возмутительно! Хотелось бы мне, чтобы его настиг меч Дзатоити!⁵

– Когда-нибудь его постигнет такая участь, но я не желаю быть к этому причастен. Пока во мне жива память о его отце, я не смогу изблещить или вызвать на дуэль его сына.

Элизабет одобрила подобные чувства, сочтя, что их выражение делает мистера Уикэма еще привлекательнее.

– Но, – помолчав, спросила она, – каковы же были его мотивы? Что могло послужить причиной столь жестокого обхождения?

– Всеобъемлющая и решительная неприязнь ко мне – неприязнь, которую я в какой-то мере могу объяснить лишь ревностью. Если бы покойный мистер Дарси любил меня меньше, его сыну было бы гораздо легче выносить меня, но необычайная привязанность ко мне его отца, полагаю, вызывала у него раздражение с младых лет. Он не мог найти ничего предосудительного в моем поведении, и, осмелюсь предположить, именно это заставило Дарси ненавидеть само мое существование. И после кончины отца он ухватился за возможность отомстить мне за годы несправедливого, как ему казалось, к нему отношения.

– Я не думала, что мистер Дарси способен на такую низость, хоть он мне никогда и не нравился. Но я и предположить не могла, что он опустится до столь злобной мести, до подобной несправедливости и бесчеловечности.

Мистер Уикэм поведал Элизабет одну историю, приключившуюся с ним в юности, которая, по его мнению, наилучшим образом показывала всю суть “подобной бесчеловечности”. Когда им с Дарси едва исполнилось семь лет, старший мистер Дарси всерьез занялся их боевой подготовкой. Во время одного из ежедневных упражнений боевой прием юного Уикэма свалил Дарси с ног на землю. Старший Дарси призвал Уикэма “прикончить” своего сына ударом по горлу. Когда мальчик отказался, старший мистер Дарси вместо того, чтобы наказать его за непослушание, похвалил Уикэма за великодушие. Юный Дарси, взбешенный скорее благоволением отца к Уикэму, нежели собственным поражением, напал на того со спины и ударил его по ногам квотерстаффом⁶, раздробив все кости. Лишь спустя год Уикэм смог передвигаться, не опираясь на костыли.

– Но разве столь неумная гордыня может сослужить ему хорошую службу?

– О да. Часто она заставляла его быть щедрым и снисходительным, раздавать деньги, выказывать гостеприимство, помогать арендаторам и облегчать страдания бедняков. Не лишен он и братской гордости, которая в сочетании с братской привязанностью сделала его внимательным и заботливым опекуном своей сестры.

– А что за девушка мисс Дарси?

Мистер Уикэм покачал головой:

⁵ *Дзатоити* – вымышленный герой японского телесериала, слепой костоправ, который бродит по Японии и обычно приходит на помощь угнетенным и обездоленным. При нем всегда его меч, который он прячет в бамбуковой трости.

⁶ *Квотерстафф* – боевой шест.

– Хотелось бы мне назвать ее милой. Мне неприятно отзываться дурно о ком-либо из семейства Дарси. Но она слишком похожа на своего брата – гордая, очень гордая. В детстве она была ласковой и доброй и очень меня любила. Я же мог часами забавлять ее. Но теперь она мне совсем чужая. Она миловидная девушка лет пятнадцати или шестнадцати и, насколько я знаю, чрезвычайно хорошо владеет боевыми искусствами. После смерти отца она постоянно живет в Лондоне вместе с какой-то дамой, которая приглядывает за ней и руководит ее боевым обучением.

После множества пауз и безуспешных попыток сменить предмет разговора Элизабет, не удержавшись, вернулась к изначальной теме:

– Меня поражает его близкая дружба с мистером Бингли! Как может мистер Бингли, который кажется мне воплощенным добродушием и истинным джентльменом, водить знакомство с мистером Дарси? Как они вообще могли сойтись? Вы знакомы с мистером Бингли?

– Нет, мы с ним не знакомы.

– Он очень милый, любезный и располагающий к себе человек. Ему, верно, неизвестна истинная суть мистера Дарси.

Игра в “Склеп и Саркофаг” вскоре завершилась, игроки направились к другому столу, и мистер Коллинз уселся между своей кузиной Элизабет и миссис Филипс. Последняя конечно же осведомилась о его успехах в игре, которые оказались не слишком впечатляющими. Почти все его склепы кишели зомби, но стоило миссис Филипс выразить свое сожаление по поводу его проигрыша, как мистер Коллинз с самым серьезным видом уверил ее, что это его совершенно не взволновало, что деньги для него ничего не значат, и попросил миссис Филипс не расстраиваться по этому поводу.

– Я вполне осведомлен, сударыня, – сказал он, – что когда люди садятся за “Склеп и Саркофаг”, то идут на некоторый риск, и, к счастью, я не в том положении, чтобы переживать из-за потери пяти шиллингов. Разумеется, не всякий может сказать такое, но благодаря леди Кэтрин де Бэр я благополучно избавлен от необходимости думать о подобных пустяках.

Его слова привлекли внимание мистера Уикэма, и, понаблюдав некоторое время за мистером Коллинзом, он тихонько спросил Элизабет о том, насколько близко ее родственник знаком с семейством де Бэр.

– Леди Кэтрин де Бэр, – ответила она, – недавно дала ему приход. Мне неизвестно, каким образом мистер Коллинз удостоился ее внимания, но, вне всякого сомнения, знакомы они недолго.

– Вы конечно же знаете, что леди Кэтрин де Бэр и леди Энн Дарси были сестрами и, следовательно, она – тетушка нынешнего мистера Дарси?

– Право же, этого я не знала. Мне известно лишь, что леди Кэтрин утверждает, будто бы она водворила в ад больше прислужников Сатаны, чем любая другая женщина в Англии.

– Ее дочь, мисс де Бэр, унаследует огромное состояние, и поговаривают, что они с кузеном объединят свои владения.

Элизабет улыбнулась, подумав о бедняжке мисс Бингли. Напрасными и бесполезными оказались все ее ухищрения, все похвалы, которые она расточала мистеру Дарси, и привязанность, которую она выказывала его сестре, не зная, что мистер Дарси предназначен другой.

– Мистер Коллинз, – сказала Элизабет, – высоко отзывается как о самой леди Кэтрин, так и о ее дочери, но я полагаю, что он ослеплен благодарностью и, несмотря на то что она его покровительница и великий воин, леди Кэтрин женщина высокомерная и тщеславная.

– Думаю, оба этих качества присущи ей в высшей степени, – ответил Уикэм. – Я уже давно не видел ее, но хорошо помню, что мне она никогда не нравилась и ее манеры всегда были властными и пренебрежительными. О ней ходит слава как о невероятной воительнице, но я склонен верить, что тут немалую роль сыграли ее богатство и положение в обществе.

Элизабет признала, что его слова звучат весьма убедительно, и они продолжали беседовать, ко взаимному удовольствию, пока игра в карты не сменилась ужином и прочие дамы не потребовали своей доли внимания мистера Уикэма. В шуме, царившем за столом миссис Филипс, беседовать было решительно невозможно, но манеры Уикэма расположили к нему всех и каждого. Все сказанное им было сказано прекрасно, все сделанное – сделано с изяществом. Элизабет отправилась домой с мыслями только о мистере Уикэме. На обратном пути она не могла думать ни о чем другом, кроме него и того, что он ей рассказал. Однако у нее не было времени даже упомянуть его имя, потому что и она, и ее сестры слышали, как стоны неприличностей раздаются в непроглядной лесной чаще по обеим сторонам дороги. Стоны были слышны достаточно далеко, чтобы не опасаться скорого нападения, но вместе с тем достаточно близко, чтобы едущие в карете старались вести себя как можно тише. И в кои-то веки из мистера Коллинза нельзя было вытянуть и слова.

Глава 17

На следующий день Элизабет пересказала Джейн все, что услышала от мистера Уикэма. Джейн удивлялась и огорчалась, она никак не могла поверить в то, что мистер Дарси столь недостойн дружбы мистера Бингли, и все же не в ее характере было сомневаться в словах столь приятного человека, как мистер Уикэм. Все ее нежные чувства всколыхнулись при одной только мысли о том, что у него были раздроблены ноги, и теперь ей ничего не оставалось, кроме как думать хорошо о них обоих, защищать поведение каждого и приписывать какой-то ужасной ошибке или случаю то, что нельзя было объяснить ничем иным.

– Полагаю, что они оба были введены в заблуждение, – сказала она. – Возможно, кто-то намеренно очернил каждого из них в глазах другого. Невозможно вообразить себе обстоятельства, ставшие причиной их отчуждения, не обвинив при этом кого-нибудь из них.

– О, действительно! Но что, моя дорогая Джейн, ты теперь скажешь об этих людях, которые намеренно их очернили? Стоит ли нам тоже найти оправдание их поведению, или нам все же придется хоть о ком-нибудь подумать плохо?

– Можешь подшучивать надо мной, сколько тебе угодно, но твои шутки не изменят моего мнения. Лиззи, дорогая, только подумай, в каком невыгодном свете предстает перед нами мистер Дарси! Так обойтись с любимцем своего отца, с человеком, которого тот обучал боевым искусствам и обещал обеспечить в жизни?! Нет, этого не может быть!

– Я скорее поверю в то, что мистер Бингли был обманут, чем в то, что мистер Уикэм прошлым вечером все выдумал. Имена, факты, детали – обо всем было сказано без малейшего жеманства. И если это неправда, пусть мистер Дарси опровергнет эту историю. Кроме того, мистер Уикэм говорил это с самым искренним выражением лица.

– И впрямь все так сложно и ужасно огорчительно. Не знаешь, что и думать.

– Уж прости, но я-то знаю, что тут думать.

Но Джейн с уверенностью могла предположить лишь одно – если мистер Бингли был введен в заблуждение, то огласка этого дела принесет ему невероятные страдания, и, возможно, чтобы восстановить свое доброе имя, он дойдет и до дуэли. Эта мысль была для нее невыносима.

Тут барышням пришлось покинуть дозё, в котором они беседовали, и причиной тому стал визит самого предмета их разговора: мистер Бингли вместе со своими сестрами приехал, чтобы лично пригласить их на долгожданный бал в Незерфилде, который был назначен на следующий вторник. Джейн и Элизабет были смущены тем, что им пришлось принимать гостей в нарядах для боевых упражнений, но это никак не умерило радости дам от встречи с ними, в особенности со своей дорогой подругой Джейн. Они заявили, что не виделись с нею целую вечность, и без конца расспрашивали о том, что она подделывала со времени их разлуки. На остальных членов семьи они едва взглянули, более всего стараясь избегать миссис Беннет. Элизабет они сказали лишь пару слов, а младших сестер разговором и вовсе не удостоили. Распрощались они очень быстро, вскочив со своих мест с резвостью, весьма удивившей их брата, и поспешили выйти вон, будто бы торопясь спастись от любезностей миссис Беннет.

Все лонгборнские дамы с нетерпением ожидали предстоящий бал в Незерфилде. Миссис Беннет расценивала его как честь, оказанную ее старшей дочери, и была особенно польщена тем, что получила личное приглашение от мистера Бингли, а не чопорную пригласительную карточку. Джейн воображала себе счастливый вечер, который она проведет в компании двух своих подруг, принимая знаки внимания от их брата. Элизабет же предвкушала, как будет танцевать почти все танцы с мистером Уикэмом и увидит подтверждение всей рассказанной им истории во взглядах и поведении мистера Дарси.

По такому случаю Элизабет была в весьма приподнятом настроении и, несмотря на то что она старалась пореже заговаривать с мистером Коллинзом, не смогла удержаться от вопроса о том, примет ли он приглашение мистера Бингли, и если примет, то сочтет ли пристойным принимать участие в развлечениях. Она с удивлением услышала в ответ, что у него нет ни малейших сомнений по этому поводу и что он вовсе не страшится гнева архиепископа или леди Кэтрин, решившись танцевать.

– Я вовсе не считаю, – сказал он, – что бал такого рода, устраиваемый достойным юношей, может привести к чему-то порочному. Я надеюсь, что все мои кузины окажут мне честь протанцевать со мной на этом балу, и, пользуясь случаем, я бы хотел заручиться вашим согласием, мисс Элизабет, танцевать со мной первые два танца. Надеюсь, что моя кузина Джейн правильно истолкует подобное предпочтение и не сочтет его неуважением с моей стороны.

Элизабет почувствовала, что ее застали врасплох. Она была твердо уверена, что именно эти два танца у нее попросит мистер Уикэм, а вместо этого ей придется танцевать с мистером Коллинзом! В недобрый час она решила быть общительной. Однако поделаться ничем было нельзя. Счастье мистера Уикэма, как и ее собственное, ненадолго откладывалось, и она приняла предложение мистера Коллинза так любезно, как только смогла. Вскоре, правда, ее охватил сильнейший рвотный позыв, и она приложила ладони ко рту, дабы не смутить присутствующих видом своего недомогания. К счастью, позыв быстро отступил, но мысль, которая его вызвала, никуда не делась. Неужели этот маленький жирный священник желает взять ее в жены? Она с ужасом подумала о том, каково это – выйти замуж за человека, который берет в руки клинок, лишь когда нужно нарезать горгонзолу.

Если бы не приготовления к балу в Незерфилде, младшие мисс Беннет пребывали бы в самом удручающем состоянии, поскольку со дня приглашения и до самого бала зарядил такой дождь, что о прогулке до Меритона нечего было и думать. Земля снова стала податливой, а количество мертвецов – неисчислимым. Никаких визитов к тетушке, никаких офицеров, никаких новостей. Даже Элизабет с трудом выносила плохую погоду, которая замедлила развитие ее дальнейшего знакомства с мистером Уикэмом. Что же до Китти и Лидии, то лишь предвкушение танцев во вторник помогло им более-менее пережить пятницу, субботу, воскресенье и понедельник.

Глава 18

До тех пор, пока Элизабет не вошла в гостиную Незерфилда и не попыталась отыскать в толпе красных мундиров мистера Уикэма, ей и в голову не приходило, что его там может не быть. Она с особым старанием выбирала наряд для бала и в самом приподнятом настроении готовилась к завоеванию того, что еще оставалось непокоренным в его сердце, полагая, что управится как раз за вечер. На миг в ней зародилось ужасное подозрение, что мистер Бингли намеренно не включил его в присланное офицерам приглашение, чтобы угодить Дарси. И хотя это было не так, отсутствие Уикэма подтвердил его друг Дэнни, рассказавший, что Уикэму пришлось вчера отправиться в столицу, дабы присутствовать на испытании нового экипажа, который, по слухам, был неуязвим для нападений мерзкой нечисти. Это убедило Элизабет, что Дарси неповинен в отсутствии Уикэма, но острое разочарование лишь усилило ее неприязнь к первому. Она твердо вознамерилась избегать всякой беседы с ним.

Поведав все свои печали Шарлотте Лукас, с которой они не виделись целую неделю, Элизабет охотно перевела разговор на нелепое поведение своего кузена и в красках расписала его подруге. Первые два танца, однако, опять настроили ее на мрачный лад, поскольку стали истинным унижением. Неуклюжий и необыкновенно толстый мистер Коллинз вынудил ее пройти через весь позор и страдания, какие только может причинить неумелый партнер в течение двух танцев. Момент освобождения от него стал для Элизабет мигом блаженства.

На следующий танец ее пригласил один из офицеров, и ей выпало удовольствие поболтать об Уикэме и узнать, что он всеми любим. После танца она вернулась к Шарлотте Лукас и была так поглощена разговором с ней, что мистер Дарси застал ее врасплох приглашением на танец. Элизабет, совершенно растерявшись, ответила согласием. Он тотчас же удалился, и ей оставалось только корить себя за необдуманный поступок.

– Если бы только мастер Лю был свидетелем такой несознательности! Я бы получила не менее двадцати плетей и наказание не менее двадцати раз преодолеть тысячу ступеней Гуань Си!

– Надеюсь, он окажется прекрасным партнером, – попыталась утешить ее Шарлотта.

– Боже упаси! Это было бы худшей из бед.

Когда танцы возобновились и мистер Дарси подошел, чтобы предложить Элизабет руку, Шарлотта, не удержавшись, шепотом посоветовала Элизабет не глупить и не позволить слабости к Уикэму унижить ее перед человеком в десять раз достойнее его. Элизабет ничего ей на это не ответила и заняла свое место в рядах танцующих. Какое-то время они стояли молча, и Элизабет уже представила себе, что молчание это продлится все два танца, но поначалу была полна решимости не нарушать его. Однако внезапно ей подумалось, что разговор станет для ее партнера более жестоким наказанием, и она сделала несколько замечаний о танце. Ответив, он вновь погрузился в молчание. Через несколько минут она вновь обратилась к нему:

– Теперь ваш черед говорить, мистер Дарси. Я высказалась по поводу танца, а вы скажите что-нибудь про величину залы или количество пар.

Улыбнувшись, он заверил ее, что скажет все, что она пожелает.

– Отлично. Пока сгодится и такой ответ. Возможно, чуть позже я замечу, что доставить удовольствие может и бал, особенно если это не публичное мероприятие.

– Я соглашусь, что если уж и бал – то непременно в частной обстановке.

Элизабет невольно зарделась, но решила никоим образом не выдать своего изумления. Вместо этого она насмешливо заметила:

– Мне всегда казалось, что у нас с вами схожий образ мыслей. Мы оба необщительные и молчаливые люди и не раскроем рта до тех пор, пока не будем уверены в том, что сказанное нами позабавит всех собравшихся или поразит их глубиной мысли.

– Не думаю, что это самое точное описание вашего характера, – сказал он. – Насколько же оно совпадает с моим, говорить не берусь. Вы, без сомнения, считаете, что портрет верен.

– Мне не пристало судить о собственном мастерстве.

Мистер Дарси ничего не ответил, и они снова замолчали, пока во время исполнения одной из фигур он не спросил, часто ли им с сестрами встречались зомби на пути в Меритон. Она отвечала утвердительно и, будучи не в силах удержаться от соблазна, добавила:

– На днях мы обзавелись новым знакомством в Меритоне, как раз когда вы там были.

Ее слова произвели самый незамедлительный эффект. На его лице отразилось глубокое презрение, но он не произнес ни слова, и Элизабет, хоть и корила себя за нерешительность, не осмелилась продолжить разговор. Наконец Дарси нарушил молчание и чрезвычайно холодно заметил:

– Мистер Уикэм обладает счастливыми манерами, которые позволяют ему с легкостью заводить друзей, но его способность сохранять дружбу не столь бесспорна.

– Он имел несчастье потерять вашу дружбу, – многозначительно заметила Элизабет, – и, насколько я понимаю, способность ходить в течение целого года.

Дарси промолчал, и было заметно, что он желает переменить тему. В этот момент к ним подошел сэр Уильям Лукас – он намеревался пройти через ряды танцующих в другую часть залы, но, заметив мистера Дарси, остановился, чтобы отвесить ему низкий поклон и похвалить его мастерство танцора и выбор партнерши.

– Право же, дорогой сэр, я безмерно восхищен. Нечасто доводится видеть столь изысканный танец. Сразу ясно, что вы возвращаетесь в высших кругах общества. Однако позвольте заметить, что ваша прелестная партнерша достойна вас в полной мере, ибо она столь же привлекательна, сколь беспощадна! Надеюсь, вы еще не раз доставите мне это удовольствие, особенно по случаю известного долгожданного события, моя дорогая Элиза. – Тут он глянул на ее сестру и Бингли. – Ах, поздравления просто хлынут потоком! Но не смею более вас задерживать, сэр. Вряд ли вы будете мне благодарны за то, что я отвлек вас от столь очаровательной юной леди. О, подумать только, как она употребит свои боевые навыки в любовном искусстве!

Дарси с самым серьезным выражением лица устремил свой взгляд на танцующих Бингли и Джейн. Затем, опомнившись, повернулся к своей партнерше и произнес:

– Сэр Уильям нас отвлек, я и позабыл, о чем мы разговаривали.

– Не думаю, чтобы мы вовсе разговаривали. Сэр Уильям не мог бы найти тут двух других людей, которые желали бы сказать друг другу меньше, чем мы. Мы уже безуспешно затронули несколько тем, и я даже не представляю, о чем бы мы еще могли с вами побеседовать.

– Что вы думаете об азиатах? – с улыбкой спросил он.

– Об азиатах? О, уверена, нам с вами встречались совершенно разные азиаты, и мы уж точно испытываем к ним совершенно разные чувства.

– В таком случае мы можем сравнить наши столь разные мнения. На мой взгляд, в азиатах много странного – это касается как их облика, так и жизненного уклада, но поскольку я обучался лишь в Японии, то готов признать, что мое представление о них может быть неполным. Было бы весьма интересно послушать о том времени, когда вы жили в Китае.

– Нет, я не могу говорить об азиатах в бальной зале. Здесь вечно отвлекаешься на что-нибудь другое.

– В подобной обстановке вас более занимает происходящее вокруг, верно?

– Да, именно так, – рассеянно ответила она, поскольку ее мысли блуждали далеко от предмета их разговора, устремляясь к боли от пылающего клейма мастера Лю, обжегшего ее плоть, к их боям с сестрами на балке шириной не больше клинка и к острым копьям внизу, готовым вонзиться в неловко поставленную ногу. Внезапно, вернувшись в настоящее, она воскликнула:

– Помню, однажды вы сказали, мистер Дарси, что вам несвойственно прощать и ваше доброе мнение если уж утрачено, то навсегда. Полагаю, вы стараетесь не давать воли своему негодованию без лишнего повода?

– Да, – твердо ответил он.

– И вы никогда не позволите предубеждению ослепить вас?

– Надеюсь, что нет.

– Тем, кто никогда не меняет своих мнений, особенно важно уметь с самого начала обо всем судить верно.

– Могу ли я спросить, к чему все эти расспросы?

– Я лишь хочу обрисовать себе ваш характер, – ответила она, стараясь взять непринужденный тон. – Я пытаюсь его понять.

– И успешно?

Она покачала головой:

– Отнюдь нет. Я слышу столь различные отзывы о вас, что пребываю в полном недоумении.

– Охотно верю, – серьезно ответил он, – что обо мне могут отзываться очень по-разному, и мне хотелось бы, мисс Беннет, чтобы вы не пытались сейчас набросать мой портрет.

– Но если я не запечатлею вас тотчас же, то другого случая мне может и не представиться.

– Не буду препятствовать вашему развлечению, – холодно сказал он. Она ничего не ответила, и весь следующий танец они провели в молчании и молча же расстались, недовольные друг другом, впрочем, далеко не в равной степени. В сердце мистера Дарси уже зародилось довольно сильное чувство к Элизабет, благодаря которому он быстро нашел ей оправдание и обратил свой гнев в другую сторону.

Элизабет вскоре отыскала старшую сестру:

– Мне хотелось бы узнать, что ты выяснила о мистере Уикэме. Но вероятно, ты слишком хорошо проводила время, чтобы думать еще о ком-то другом, и в таком случае я тебя прощаю.

– Нет, – ответила Джейн, – я не забыла о нем, но новости мои самые неутешительные. Мистеру Бингли неизвестны все подробности, и он находится в неведении относительно обиды, нанесенной мистеру Дарси, но он готов поручиться за безупречное поведение, честь и достоинство своего друга. К несчастью, из его рассказа следует, что мистер Уикэм далеко не порядочный человек.

– А мистер Бингли лично знаком с мистером Уикэмом?

– Нет, он впервые увидел его тогда, в Меритоне.

– Я не сомневаюсь в искренности мистера Бингли, – мягко сказала Элизабет, – но ты, надеюсь, простишь меня, если я скажу, что его заверения меня не убедили. Мистер Бингли довольно обоснованно защищает своего друга, но раз уж он не знает всей истории, то я, пожалуй, не стану менять своего мнения об этих двух джентльменах.

Затем она заговорила о предмете более приятном для них обеих. Элизабет с удовольствием слушала о счастливых, хоть и робких надеждах, которые Джейн питала в отношении чувств к ней мистера Бингли, и сказала все, чтобы укрепить в ней эту уверенность. Когда к ним присоединился сам мистер Бингли, Элизабет отошла к мисс Лукас. Но не успела она ответить на ее расспросы о манерах мистера Дарси, как к ним подошел ее толстый кузен

мистер Коллинз и с величайшим ликованием заявил, что ему только что посчастливилось совершить важное открытие.

– О, полагаю, вам удалось открыть местоположение закусок? – довольно невежливо спросила Элизабет.

– Нет, – ответил он, – по чистой случайности мне удалось узнать, что здесь находится близкий родственник моей покровительницы. Я услышал, как этот джентльмен в разговоре с юной леди, которая является хозяйкой этого дома, упомянул имена своей кухни мисс де Бэр и ее матушки, леди Кэтрин. Каких только чудес не бывает на свете! Кто бы мог подумать, что в этом самом собрании мне вдруг доведется повстречать племянника леди Кэтрин де Бэр! По счастью, это вовремя открылось, и я могу засвидетельствовать ему свое почтение, что я и намереваюсь сделать.

– Неужели вы собираетесь представиться мистеру Дарси?

– Именно так. И попрошу у него прощения за то, что не сделал этого раньше. Полагаю, он племянник леди Кэтрин.

Элизабет усердно пыталась отговорить мистера Коллинза от этого замысла, убеждая его, что мистер Дарси скорее сочтет его обращение без предварительных рекомендаций дерзкой вольностью, нежели данью уважения его тетушке, и что сам мистер Дарси, будучи выше мистера Коллинза по положению, должен первым изъявить желание познакомиться с ним. Когда Элизабет умолкла, мистер Коллинз ответил:

– Дражайшая мисс Элизабет, я высоко ценю вашу превосходную способность здраво судить обо всем, что находится в пределах вашего разума, в особенности об уничтожении прислужников Сатаны, но позвольте мне сказать, что формальности, принятые в отношениях между светскими людьми, разнятся с теми, которыми руководствуются священнослужители. В конце концов, вы, может, и Божье орудие, но я – Его Разум. И именно Разум, дорогая кухня, в конечном итоге разрешит наши нынешние затруднения с восставшими из мертвых.

– Прошу прощения, но я еще не видела, чтобы слова могли обезглавить зомби, да и вряд ли мне доведется увидеть такое.

– Позвольте мне поступить так, как велит мне голос совести, и сделать то, что я считаю своим долгом.

Отвесив Элизабет глубокий поклон, мистер Коллинз направился напрямик к мистеру Дарси, и она внимательно наблюдала за тем, как мистер Дарси воспринял его обращение и как явно он был поражен подобной фамильярностью. Перед тем как заговорить с ним, ее кузен церемонно раскланялся, и хотя до Элизабет не доносилось ни слова из его речи, ей казалось, что она слышит всё и угадывает в движении его губ фразы: “глубочайшие извинения”, “Хансфорд” и “леди Кэтрин де Бэр”. Мистер Дарси взирал на него с нескрываемым изумлением и, когда наконец мистер Коллинз дал ему заговорить, отвечал очень сухо. Однако это не помешало мистеру Коллинзу продолжить свои излияния, и презрение мистера Дарси, похоже, возрастало с каждым его словом, и когда мистер Коллинз закончил говорить, тот сразу отошел в сторону, удостоив его лишь легким кивком.

Для себя Элизабет на балу более развлечений не видела и поэтому обратила все внимание на свою сестру и мистера Бингли. Она уже представляла себе, какое счастье ожидает Джейн в браке, построенном на искреннем чувстве, и по такому случаю готова была даже найти в себе силы терпеть обеих сестер Бингли. Было очевидно, что ее матушка думает ровно о том же, и Элизабет старалась не приближаться к ней, чтобы не пришлось сносить ее бесконечную болтовню.

Поэтому Элизабет винила злой рок в том, что за ужином их посадили рядом друг с другом, и с досадой слушала, как ее мать свободно, не таясь, только и говорит леди Лукас о том, как Джейн скоро выйдет замуж за мистера Бингли. Предмет был самый захватываю-

щий, и миссис Беннет без устали перечисляла все выгоды от этого союза. Он ведь милейший юноша, и так богат, и живет всего в трех милях от них – по этим пунктам она принимала поздравления в первую очередь. И ей так отраднo думать, что обе его сестры нежно привязаны к Джейн и, несомненно, желают породниться с нею так же, как она – с ними. Более того, это редкая удача для ее младших девочек, и теперь, раз Джейн выходит замуж за столь благородного человека, богатые холостяки так и потянутся в их дом.

– О, как я была бы рада выдать их всех замуж! Видеть, как они обзавелись собственными домами и занимаются детьми вместо всех этих несносных боев и упражнений!

В конце она пожелала, чтобы леди Лукас вскорости постигла такая же удача, впрочем, явственно и с торжеством давая понять, что той подобного случая не представится.

Напрасно Элизабет старалась умерить ее поток словоизлияний или уговорить ее расписывать свое везение не столь громким шепотом, поскольку она с невыразимой досадой заметила, что мистеру Дарси, который сидел прямо напротив, было почти все слышно. Но мать, от которой исходил тяжелый запах еды и портвейна, лишь выбрала ее за вздорность.

– Право же, какое дело мне до мистера Дарси, чтобы еще его и бояться? Уж он не был с нами настолько любезен, чтобы мы опасались чем-нибудь осердить его.

– Умоляю вас, сударыня, говорите потише. К чему вам оскорблять мистера Дарси? Вряд ли это придется по вкусу его другу.

Однако все ее увещания не имели никакой силы. Элизабет вновь и вновь заливалась румянцем от стыда и огорчения. Всякий раз, когда она, не удержавшись, бросала взгляд на мистера Дарси, то видела подтверждение всем своим страхам: он хоть и не всегда глядел на ее мать, но явно очень внимательно к ней прислушивался. Выражение его лица постепенно менялось: презрительное негодование уступило место глубокой задумчивости.

Наконец даже миссис Беннет было больше нечего сказать, и леди Лукас, уже давно зевавшая при перечислении радостей, которые она никак не могла разделить, смогла полностью посвятить себя холодному окороку и цыпленку. Элизабет слегка воспряла духом. Но передышка была недолгой – когда ужин был окончен, ни один слуга не подошел к столу, чтобы убрать приборы. Видя, что гости начинают шептаться, мистер Бингли, извинившись, встал из-за стола и, несомненно, отправился распекать дворецкого за нерасторопность.

Когда он вернулся, Элизабет сразу потянулась за кинжалом, прикрепленным к лодыжке. Для этого ей достаточно было взглянуть на бледное лицо мистера Бингли и заметить, как он взволнован.

– Мистер Дарси, не затруднит ли вас пройти со мной на кухню? – спросил Бингли.

Дарси встал из-за стола, стараясь двигаться не слишком быстро, дабы не встревожить гостей, и Элизабет решила последовать за ним. Заметив это, Дарси повернулся к ней и прошептал:

– Мисс Беннет, вы премного меня обяжете, если вернетесь к столу. Я вполне могу и сам помочь мистеру Бингли.

– О, мистер Дарси, в этом я нисколько не сомневаюсь, впрочем, как и в том, что мне под силу самой принимать решения. Итак, вы желаете поднять переполох или мы все же пройдем на кухню?

Мистер Бингли провел их по потайной лестнице на нижний этаж, который был поделен на две части длинным коридором. На одной стороне располагались комнаты слуг и арсенал, на другой – зал для упражнений и кухня. Именно там их взглядам предстало зрелище самого неутешительного характера. Две взрослых неприличности – обе мужского пола – были заняты поеданием домашней прислуги. Как двое зомби смогли убить дюжину лакеев, четырех горничных, двух кухарок и управляющего, Элизабет даже не представляла. Зато она точно знала, как им удалось пробраться в дом: кухонная дверь стояла открытой настежь, чтобы впустить прохладный ночной воздух и уменьшить жар, исходящий от печей.

– Что же, полагаю, мы должны отрезать головы им всем, чтобы тьма не переродила их, – сказала Элизабет.

Мистер Бингли глядел на десерты, которые его несчастные слуги собирались подавать к столу как раз в момент своей кончины, – изысканно разложенные на блюдах пирожные, тарталетки и заморские фрукты были забрызганы мозгами и кровью, а посему – безнадежно испорчены.

– Не думаю, что вы уступите мне честь завершить это неприятное дело. Но я никогда не прощу себе, если вы запачкаете свой наряд.

– Не стану вам препятствовать, мистер Дарси.

Элизабет показалось, что на его лице промелькнула легкая улыбка. Она наблюдала за тем, как Дарси вытащил меч и сразил обоих зомби яростными, но вместе с тем изящными движениями. Затем он быстро обезглавил мертвых слуг – при виде этого мистера Бингли деликатно стошнило в ладони. Военские таланты мистера Дарси не вызывали сомнений.

“Если бы только его манеры джентльмена были столь же безупречны”, – подумала она.

Вернувшись на бал, они обнаружили, что остальные гости находятся не в самом приятном расположении духа. Мэри развлекала общество игрой на фортепиано, и ее пронзительный голос терзал терпеливый слух всех присутствующих. Элизабет поглядела на отца, надеясь, что тот вмешается, иначе Мэри будет петь всю ночь напролет. Тот понял ее намек, и когда Мэри допела вторую песню, громко произнес:

– Достаточно, дитя мое. Ты уже вдоволь развлекла нас. Позволь и другим барышням блеснуть талантами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.